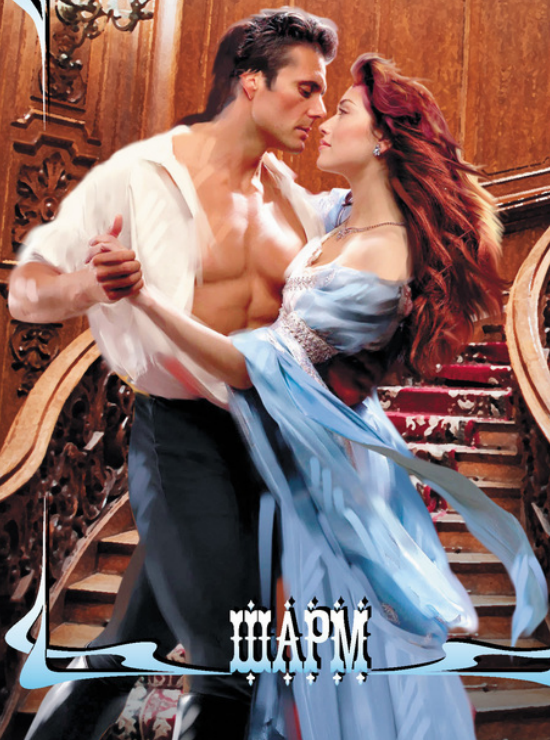

ЛЕСИЯ КОРНУОЛЛ

В сетях обмана и любви

ШАРМ

Лесия Корнуолл
В сетях обмана и любви
Серия «Темберлей», книга 1
Серия «Шарм (АСТ)»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27813533
В сетях обмана и любви: АСТ; Москва; 2017
ISBN 978-5-17-099659-9

Аннотация

Чтобы спасти семью от нищеты и разорения, Мэг Линтон пошла на отчаянный шаг – вместо своей сбежавшей из дома сестры обвенчалась с Николасом Хартли, герцогом Темберлеем, известным повесой и ловеласом лондонского света. План девушки был прост: какая Николасу разница, на ком жениться по расчету, если от новоиспеченной герцогини только и потребуется, что родить мужу наследника, а потом не мешать жить так, как он привык?

Однако Мэг сильно ошибалась: восхищенный герцог понял, что брак с такой прелестной девушкой может стать не скучной необходимостью, а истинным наслаждением – если, конечно, он сумеет покорить ее сердце, призвав на помощь весь свой опыт соблазнителя...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	24
Глава 3	39
Глава 4	48
Глава 5	53
Глава 6	61
Глава 7	67
Глава 8	74
Глава 9	80
Глава 10	93
Глава 11	101
Глава 12	114
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Лесия Корнуолл

В сетях обмана и любви

Lecia Cornwall
HOW TO DECEIVE A DUKE

© Lecia Cotton Cornwall, 2012

© Перевод. А.И. Вальтер, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

* * *

Это произведение – плод фантазии автора. Все имена, персонажи, места и события вымышлены или использованы произвольно и не могут рассматриваться как имевшие место в действительности. Любое сходство с реальными событиями, местами, организациями и лицами, живущими или умершими, является случайным.

Кевану и Тессе. Огромное вам спасибо!

Глава 1

Маргарита Линтон вздрогнула, когда чайная чашка, выскользнув из руки ее старшей сестры, упала на пол и разбилась. Если бы ковер, обычно украшавший гостиную Уиклиффов, находился на месте, чашка Розы, безусловно, уцелела бы. Но ковер был свернут и продан этим утром, всего за несколько часов до неожиданного визита герцогини Темберлей.

Ее светлость прибыла, чтобы задать Розе чрезвычайно важный вопрос, и прибыла, как оказалось, вовремя, потому что роскошный чайный сервиз был следующим в списке вещей, выставленных на продажу. А более скромный чайный набор оказался бы менее уместным, чтобы принять столь важную гостью.

Тревожная тишина повисла в комнате – герцогиня вместе со всеми присутствующими ждала ответа Розы.

– Ну так как, юная леди, вы хотите выйти замуж за моего внука? – Герцогиня смотрела прямо в лицо потрясенной Розы, не обращая внимания на осколки фарфора у ее ног.

Роза ошеломленно молчала. Маргарита, желая запечатлеть в памяти точное время, когда удача наконец улыбнулась им, взглянула на каминную полку, где всегда стояли часы. Но часов, как и ковра, уже не было в гостиной.

Маргарита прикусила губу. Герцогиня не могла выбрать

более подходящего момента для своего великодушно-щедрого предложения. А Роза сидела, изумленно застыв, не в силах вымолвить ни слова.

Жаль только, что жених сам не приехал, чтобы сделать Розе предложение, а прислал для этого бабушку. Маргарите очень хотелось увидеть скандально известного Николааса Хартли, герцога Темберлея. До сих пор ей доводилось видеть только карикатуры на него. И всегда его изображали потрясающе красивым.

Темберлей слыл самым отъявленным повесой в Лондоне, и теперь ее сестре выпал шанс стать его герцогиней. Роза всегда мечтала о принце на белом коне. И вот появляется некое его подобие. А она остолбенело сидит, хотя от нее всего-то и требуется сказать...

– Нет! – Полный муки, жалобный возглас Розы отразился от голых стен.

Еще одна чашка разбилась вдребезги – их мать, сидевшая рядом с Розой, вскочила на ноги. На ее лице застыло выражение ужаса. Маргарита взглянула на чашки в руках герцогини и дяди Гектора в ожидании их ответной реакции. Она всерьез опасалась, что тонкий фарфор не выдержит их изумления тоже.

– Нет?! – Флора Линтон, графиня Уиклифф, сердито уставилась на старшую дочь. – Нет?! Роза, ты не можешь ответить отказом!

– Юная леди, вы действительно не хотите выйти замуж за

моего внука? – уточнила герцогиня. Ее тон поражал спокойствием.

– О, она хотела сказать «да», ваша светлость! – воскликнула Флора, хватая Розу за руку. – Так ведь, моя девочка?

– Нет, – упрямо повторила Роза. – Я хотела сказать «нет».

Маргарита бросила умоляющий взгляд на дядю, сводного брата отца, сидевшего возле камина. Обычно он был голосом разума в семье, но сейчас выглядел столь же ошеломленным, как и Флора.

– Дядя Гектор? – прошептала Маргарита, стараясь не привлекать внимания герцогини.

Но острый взгляд черных глаз старой леди мгновенно метнулся к ней, пробежался по ее рыжевато-каштановым волосам и поношенному платью и задержался, пристально изучая девушку. Маргарита почувствовала, как под этим обжигающим, беззастенчиво оценивающим взглядом лицо ее загорелось от смущения.

Дядя Гектор опомнился и поднялся.

– В таком случае, Флора, я бы предложил...

Речь его прервали громкие рыдания Розы. Из первой красавицы семьи она превратилась в плачущего ребенка. Носик покраснел и начал опухать, изящные губки в форме лука Купидона растянулись в тонкую линию, из горла вырывались скрежещущие звуки, напоминающие визг ошпаренной кошки. Роза так сильно содрогалась в рыданиях, что белокурые локоны беспорядочно выбивались из прически.

– Почему я? Почему я должна выходить за него? Почему не Маргарита или Лили?

Флора в сердцах топнула ногой – осколки фарфора громко хрустнули. Она сильнее сжала пальцы Розы.

– Замолчи сию же минуту! Ее светлость сочтет тебя неблагодарной.

Но Роза продолжала рыдать, и Маргарита увидела, что лицо матери стало таким же свекольно-красным, как у сестры. Того и гляди расплачется.

– Мама, тебе лучше отвести Розу наверх, чтобы она успокоилась, взяла себя в руки. А я пока распоряжусь, чтобы ее светлости подали еще чаю, – сказала Маргарита, решив взять на себя роль хозяйки.

Маргарита повела сестру к двери. Мать последовала за ними, пытаясь на ходу сделать реверанс и извиниться перед герцогиней.

– Извините нас, ваша светлость. Мы ненадолго. Мы вернемся буквально через... – Флора взглянула на часы, которых уже не было, и глаза ее наполнились слезами.

– Папины часы наверху, мама, – напомнила Маргарита.

Флора кивнула и покинула комнату.

Маргарита закрыла дверь и заняла место матери на кушетке.

– Еще чаю, ваша светлость? – спокойно спросила она.

В это время в коридоре раздался грохот. Снова что-то разбилось. Хотелось бы надеяться, что не слишком ценное.

– Наверное, мне следует уйти, раз юная леди не проявляет интереса к моему предложению, – сказала герцогиня после некоторого раздумья.

Маргарита изобразила безмятежную улыбку, словно истерики и чаепития с герцогинями случались в Уиклифф-Парке каждый день.

– Они вернутся через минуту. Попробуйте эти пирожки с яблоками, – сказала она, подвигая блюдо к герцогине. – Наша Эми печет их замечательно.

Герцогиня проигнорировала угощение.

– И которая же из двух девиц, упомянутых леди Розой, вы?

Гектор вытянулся по стойке смирно.

– Позвольте представить вам леди Маргариту Линтон, ваша светлость.

– Значит, вторая сестра, – равнодушно произнесла герцогиня, давая понять, что девушка ее больше не интересует.

Маргарита почувствовала, как от обиды кровь бросилась ей в лицо. Она и вправду ничуть не походила ни на красавицу Розу, ни на свою привлекательную мать и хорошеньких младших сестер. Маргарита уродилась в своего покойного отца. Заурядная внешность, рыжевато-каштановые волосы. Единственный сорняк в пышном цветнике Уиклиффов. Но ей Богом были даны мозги – в возмещение недостатков внешности. Маргарита не унывала, никогда не падала духом.

– А что третья сестра? – спросила герцогиня дядю Гекто-

ра, явно отвергнув Маргариту в качестве невесты.

– Лили всего десять лет, ваша светлость, она еще в детско-
й, – ответил он.

– Выходит, я зря потратила время, приехав сюда. – Гер-
цогиня поднялась.

В панике Маргарита тоже вскочила.

– Подождите! Розе просто нужно немного времени, чтобы
успокоиться. Она совершенно вне себя от вашего... от пред-
ложения вашего внука.

Дубовая дверь не могла заглушить отдаленных протесту-
ющих возгласов Розы.

– Ваша сестра всегда так импульсивна? – спросила герцо-
гиня, усаживаясь на место и снова разглядывая Маргариту.

– Совсем наоборот, ваша светлость. Роза славится своей
кротостью, покладистым нравом.

Герцогиня насмешливо фыркнула:

– Тогда помогай ей Бог. Мой внук съест ее живьем.

– Предложение сочетаться браком с герцогом Темберлеем
любую девушку потрясло бы до глубины души и лишило са-
мообладания, – рассердилась Маргарита. – Особенно неочи-
данно это было для нас, здесь. Ведь мы совсем недавно сня-
ли траур по отцу.

– Я уж не говорю о том, что остались без гроша за душой, –
усмехнулась герцогиня. Она подняла руку, пресекая протес-
ты Маргариты, уже открывшей рот, чтобы возразить. – Не
жду никакого приданого. Леди Розу я выбрала исключитель-

но благодаря репутации вашего отца. Николас должен жениться на девушке безукоризненной репутации и твердых принципов – непорочной, скромной, титулованной. Я слышала, что граф растил дочерей в строгости и дал им достаточное образование, чтобы они стали умными, но не слишком, и, безусловно, высоконравственными. Он полагал, что юных леди следует воспитывать так, чтобы из них вышли превосходные жены для пэров королевства, способные повысить моральный и интеллектуальный уровень последующих поколений. Разве не так?

– Да, так отец нас и воспитывал, – прошептала Маргарита.

Определение «умная, но не слишком» достаточно точно характеризовало Розу. План воспитания совершенных леди графа Уиклиффа предусматривал, чтобы дочери хорошо пели и играли на фортепиано – правда, и оно уже было продано, – вполне сносно писали акварелью и умели грациозно делать реверансы. Однако, думала Маргарита, ни одна из них не способна повысить интеллектуальный уровень кого бы то ни было.

Если Роза отвергнет предложение герцога, их дела будут совсем плохи. Уиклифф-Парк придется продать. Маргарита вынуждена будет искать работу гувернантки или компаньонки, чтобы поддержать мать и сестер. Но если Роза примет предложение герцога Темберлея, его состояние обеспечит им безбедную жизнь. Даже Лили и Минни, когда наступит их время, получают хорошее приданое.

Маргарита возблагодарила Бога за то, что такой богатый человек, как герцог Темберлей, выбрал себе невестой Розу Линтон – красавицу, но бесприданницу.

– Леди Роза получала другие предложения руки и сердца? – спросила герцогиня. – Она очень привлекательная девушка и кажется достаточно здоровой, хотя ей явно не хватает здравого смысла.

Маргарита гордо вскинула голову, пораженная неосведомленностью старой леди.

– У Розы много поклонников, ваша светлость, но она еще не дебютировала в свете официально.

Герцогиня продолжала разглядывать Маргариту. У той возникло чувство, будто старуха видит ее насквозь, читает ее мысли. Девушка опустила глаза, стараясь выглядеть скромно.

– А у вас, юная леди, тоже много поклонников?

Маргарита с раздражением посмотрела на герцогиню. Ну кто обратит внимание на невзрачную вторую сестру, когда рядом находится блистательная Роза?! Маргарите было ужасно неприятно, что герцогиня напомнила ей об этом. Правда, ни отец, ни мать не надеялись, что отыщется когда-нибудь титулованный джентльмен, который согласится жениться на дурнушке Маргарите, но было особенно больно, когда намекал на это совершенно посторонний человек.

– Поклонников? Разумеется, у меня их достаточно.

– И вы уже выезжали в свет? – продолжала мучить Марга-

риту герцогиня, и та почувствовала, как жаркая волна смущения заливает ее с ног до головы.

– Может быть, когда Роза выйдет замуж, – вмешался Гектор, – ее светлость оплатит твой дебют в следующем сезоне?

– Разумеется, когда ваша пустая семейная казна пополнится моими деньгами, вы, милочка, станете завидной добычей, – добавила герцогиня.

Задетая гордость усилила раздражение Маргариты.

– Или напротив, сомнительное родство только понизит мои шансы. Мы наслышаны о вашем внуке, ваша светлость, даже здесь, в Сомерсете. Кто в Англии его не знает? Его называют Дьяволом, не так ли? Мы читали обо всех скандалах, которые он постоянно инициирует...

– Мэг! – воскликнул Гектор, останавливая ее, но герцогиня только рассмеялась.

– Странно. Ваш отец был пламенным борцом за чистоту и высокую нравственность женщин Англии. Не хотите же вы сказать, что он разрешал вам читать лондонские бульварные газетенки?

Не разрешал. Они с сестрой таскали листки у своей служанки и тайком читали. Папа пришел бы в ужас. Мэг почувствовала, что краснеет.

– Наш отец умер больше года назад.

Герцогиня не выразила соболезнований.

– Что касается моего внука, его действительно называют Дьяволом. Это прозвище ему подходит. Если бы его старший

брат не умер, я охотно оставила бы Николаса его женщинам и выпивке. Но теперь он герцог Темберлей и обязан измениться. Его жена и наследники должны быть безукоризненно респектабельными.

Маргарита рассмеялась, не сумев сдержаться. Гектор смущенно кашлянул, и она опустила глаза. Розе вряд ли удалось бы превратить повесу в образец совершенства.

Дверь отворилась, прежде чем герцогиня успела отчитать Маргариту за неучтивость. Вошла Роза. За ней следовала Флора. Девушка остановилась и уставилась в пол. Мать подтолкнула ее вперед.

– Я согласна, – прошептала Роза, но плечи ее снова задрожали от рыданий.

Глаза герцогини вспыхнули безжалостным торжеством. Она не произнесла ни единого слова утешения, не поздравила невесту. Маргарита поспешно поднялась и взяла сестру за руку:

– Пойдем, Роза, я сделаю тебе холодную примочку на глаза.

– Юной леди следует немедленно отправиться в Лондон для примерок. Я жду ее к... – Герцогиня принялась инструктировать Флору, а Маргарита затворила дверь, не дослушав ее распоряжений, и повела сестру вверх, в ее комнату.

Итак, Розе предстоит выйти замуж за Дьявола – герцога Темберлея. Маргарита взглянула на залитое слезами лицо сестры...

Счастливая, везучая Роза!

– Слава богу, старуха уехала, – сказала Мэг полчасика спустя, наблюдая из окна спальни, как карета с гербом герцога Темберлея шумно катит прочь по подъездной дороге.

Она повернулась к сестре, все еще всхлипывавшей, свернувшейся калачиком на кровати. Мокрые носовые платки усеяли пол, как белые цветы вокруг гроба. Роза совсем не походила на невесту или на красавицу, которую так обожал и лелеял их отец.

– Когда должна состояться свадьба? – спросила Маргарита, протягивая Розе свежий носовой платок.

– Мама сказала, что герцогиня хочет все устроить как можно скорее. Она дала нам время только на то, чтобы сшить подвенечное платье, и в течение двух недель... – Ее лицо сморщилось – горькие слезы хлынули на постель. – О, Мэг, что мне делать? Такая спешка со свадьбой будет выглядеть неприлично. Да еще с этим мужчиной! Все будут думать, что я... – Слезы не дали ей договорить. – Папа ни за что бы не стал заставлять меня выходить за него. Я думаю, папа даже запретил бы это!

Маргарита закрыла глаза. Их отец умер. И оставил их совсем без средств, одних, без приданого, без надежд на замужество. Теперь они должны будут сами заботиться о себе, делать все необходимое, чтобы выжить.

Настало время быть сильными и практичными, позабыв

о романтике. Но папа их не учил этому. Не думал, что это им понадобится. Роза была подобна красивой вещице. Вначале как изнеженная папина дочка, а впоследствии, в браке, как объект восхищения, вроде превосходной лошади или бесподобной мраморной статуи, от которой не требовалось размышлений или выполнения чего-то более сложного, чем составление обеденного меню.

Философия графа Уиклиффа требовала от безупречной жены умения улыбаться и рожать наследников без возражений. А взамен принимать обожание, оберегание от сложностей реального мира.

Роза абсолютно права. Николас Хартли относится именно к тому типу мужчин, которых, по философии отца, нужно всячески избегать. Но выбора нет. Этот брак жизненно необходим их семье.

Мэг стиснула ледяные пальцы сестры.

– Говорят, герцог очень красив. И богат. И необычайно искусен в...

– Маргарита Линтон! – возмутилась Роза. – Было забавно читать бульварные статейки о нем, смеяться над его нелепыми выходками, но выйти за него замуж?! От одной только мысли о том, что он ко мне прикоснется, мне становится дурно. Бог знает, кого обнимали эти руки. И откуда мы знаем, действительно ли он так красив? Мы видели только рисунки в бульварных газетах, которые удавалось стащить у Эми. – Роза горестно подперла щеку ладонью, как будто со-

четаться браком с порочным герцогом было оскорбительно для такой нищей красавицы, как она.

Мэг с трудом сдерживалась.

– Но если каждая женщина в Лондоне мечтает о нем, наверняка он красив, – заявила она. – И обаятелен. И очень, очень хорош в...

– О, Мэг, какая же ты глупая! Ты читала о его последнем скандале? – Роза соскочила с кровати и вытащила из нижнего ящика комода газетный листок, где он был запрятан под грудой штопанных чулок.

– Как же я могла забыть заглянуть туда? – пробормотала Маргарита, когда сестра протянула ей смятую страницу.

Выходило, что всего месяц назад Темберлей дрался на дуэли с богатым торговцем, заявившим, что Дьявол соблазнил его жену. На карикатуре, изображавшей герцога с рожками, раздвоенным хвостом и с пулей, зажатой в великолепных зубах, пышногрудая жена торговца заслоняла его от разъяренного мужа, державшего по пистолету в каждой руке. На заднем плане – стайка лондонских красоток. Каждая старалась перехватить блуждающий взгляд распутника.

Мэг содрогнулась. До неожиданного появления в их доме герцогини Темберлей сестры Линтон обычно смеялись над возмутительными подвигами ее внука, но теперь дело приняло серьезный оборот. «Мой внук съест ее живьем», – насмешливые слова герцогини все еще тревожно звенели в голове Маргариты, и она снова посмотрела на сестру, нервно

теребившую кружево, обрамлявшее носовой платок.

У Розы было достаточно опыта в общении с мужчинами. Местные молодые люди часто наносили им визиты после смерти отца. Были и цветы, и восторженные стихи, и любовные письма, ежедневно оставляемые у кухонной двери для Розы. Она даже позволила одному или двум поклонникам поддержать себя за руку. Розе нравилось находиться в центре внимания. И она играла со своими обожателями, как маленькие девочки играют с куклами.

Мэг было трудно вообразить, о чем говорилось бы в стихах, написанных в ее честь. А каково быть любимой самим Дьяволом – герцогом Темберлеем – и обменяться с ним поцелуем?.. Лицо ее жарко вспыхнуло от столь неподобающих мыслей, и она повернулась, чтобы подать Розе сухой носовой платок.

Через две недели герцог станет мужем ее сестры. Маргарита сильно сомневалась, что мужчина, которого прозвали Дьяволом, способен сочинять стихи, – Роза зачехнет, если не станет средоточием его помыслов, центром его мира.

В комнату без стука стремительно вошла графиня, и Мэг поспешно сунула бульварный листок в карман.

Мать взглянула на Розу с удивлением.

– Все еще хандришь и дуешься? Я думаю, ты поняла, что поставлено на карту. Гектор говорит, если мы не раздобудем денег в ближайшее время, нам придется навсегда распрощаться с Уиклифф-Парком. Ты представляешь себе, как

мы втиснемся в крошечный домик в деревне? Я стану посмешищем, а бедной Маргарите придется искать работу, чтобы поддержать нас!

Мэг с трудом подавила раздражение. У матери даже не возникло мысли о том, чтобы отправить на работу Розу. Она была слишком глупа, чтобы стать гувернанткой, и слишком красива, чтобы хоть что-то делать своими руками, ну разве что махать обожателям.

– Тебе не получить лучшего предложения, – наседала на дочь Флора. – Если ты откажешь герцогу, остальные джентльмены подумают, будто ты слишком привередлива, и никто больше не захочет иметь с тобой дела.

Роза вновь ударилась в слезы.

– Мне приходится жертвовать собой!

Лицо Флоры побагровело от гнева.

– Ты выходишь замуж за герцога! Какая же это жертва?!

– Но он же Дьявол! – простонала Роза.

Что до Маргариты, то Хартли представлялся ей рыцарем на белом коне, прискакавшим спасти их в самый последний момент. Она ненавидела нужду, которую им пришлось терпеть после смерти отца. Она взяла все хозяйственные хлопоты на себя, поскольку мать погрузилась в отчаяние.

Маргарита продавала серебро и картины, увольняла слуг одного за другим, чтобы ее мать и сестры как можно дольше могли вести привычную жизнь. Мама была превосходным образчиком папиной философии. Без практичности

Мэг и мудрых советов дяди Гектора они потеряли бы Уиклифф-Парк намного раньше.

– Сейчас же вставай и прекрати рыдать, – приказала Флора Розе. – Мы должны ехать в Лондон завтра на рассвете, чтобы заняться подготовкой твоего гардероба к свадьбе.

Поскольку Роза продолжала упрямо пялиться в стену, мать обернулась к Мэг.

– Тебе лучше поехать с нами, Маргарита. Мне понадобится твоя помощь. Когда Роза выйдет замуж и у нас появятся деньги, мы найдем новых слуг. Но до тех пор в хозяйственных делах мне придется рассчитывать только на тебя.

Маргариту охватило приятное возбуждение. Мать выразила ей признательность за ее тяжкие труды после смерти отца. И еще, она увидит Лондон, будет присутствовать на свадьбе, встретит Темберлея...

– О, мама!

– Роза, ты наденешь голубое платье или желтое? – моментально переключилась Флора.

– Разве девиц, предназначенных в жертву, не одевали в белое? – прошептала Роза.

Флора воздела вверх руки.

– Маргарита, собирай вещи. Роза переполнена радостью, чтобы заняться этим самой.

– Ясное дело, – пробормотала Мэг.

Флора подошла к комоду и посмотрела на себя в зеркало, разгладила морщинки на лбу.

– Роза будет восхитительной невестой, и я, ее мама, буду выглядеть ослепительно. – Она улыбнулась своему отражению и стремительно покинула комнату, призывая Эми, чтобы та принялась собирать ее вещи.

Мэг разложила платья на кровати. Они с Розой сотни раз по очереди надевали эти платья – Маргарита терпеть их не могла. Теперь у Розы будет новый гардероб. Легкая зависть вползла к Мэг в душу. Она отбросила особенно ненавистное ей муслиновое платье, украшенное зелеными веточками, и вымученно улыбнулась:

– Роза, ты будешь носить красивые модные наряды, бывать на балах, званых вечерах и приемах... – Мэг критически оглядела выцветшее зеленое платье с чуть надорванным рукавом. – Больше никаких перелицованных платьев и штопанных чулок.

Роза презрительно фыркнула:

– Я бы предпочла одеваться в лохмотья и остаться старой девой, чем выйти за Дьявола Темберлея. – Онахватила платье из рук Мэг и швырнула его на пол. – Я ни за что за него не выйду!

Маргарита подняла платье.

– Ты ведь уже согласилась.

– Значит, теперь откажусь! Почему я должна жертвовать собой? Чтобы мама могла нанять побольше слуг? Продаться, как последняя...

Мэг с ужасом прочитала по губам сестры ужасное слово,

которое та не осмелилась произнести вслух.

– Но это не только ради мамы. Подумай о Миньонетте¹, о Лили...

– С какой это стати? Обо мне ведь никто не думает! – захныкала Роза.

Маргарита не стала ни убеждать, ни успокаивать сестру, собрала платья, прихватила корзинку со швейными принадлежностями.

– Пойду поработаю в библиотеке. А ты отдохни. Утром почувствуешь себя лучше. – Она закрыла за собой дверь и остановилась в тишине коридора, стараясь изгнать из души темного демона зависти.

Роза, конечно, будет рыдать всю дорогу до Лондона, но, примерив красивые наряды, окунувшись в светские развлечения, отнесется иначе к перспективе стать герцогиней.

А Темберлей? Ждет ли он с нетерпением свою невесту в предвкушении брачной ночи? Мэг ощутила странный спазм в животе. Она повесила платья на лестничные перила и вытащила из кармана газетный листок. Со вздохом взглянув на красивое лицо герцога, провела пальчиком по его усмехающимся губам, по его широкой груди и невероятно длинным ногам в сапогах... Неужели он и впрямь так порочен, как его изображают? Маргарита закрыла глаза, почувствовав себя ужасной грешницей только лишь за мысли о нем, особенно теперь, подхватила платья и заторопилась вниз по сту-

---

¹ От *англ.* «mignonette» – резеда. – *Здесь и далее примеч. пер.*

пенькам.

Ради свидания с Дьяволом можно заплатить любую цену.

Глава 2

– Говорят, ты скоро женишься?

Николас Хартли, печально известный герцог Темберлей, прозванный Дьяволом, приоткрыл заспанные глаза и остановил взгляд на обнаженной женщине, раскинувшейся на его груди. Слух был абсолютно верен, но он не желал обсуждать это, а залюбовался локонами своей любовницы. Волосы были почти белыми. Ими она и прославилась, потому что каждый мужчина в Лондоне желал узнать, естественный это цвет или нет.

Цвет был натуральным.

Выразительные зеленые глаза Анжелики смотрели на него с откровенным любопытством. Она ревновала, если судить по царапинам от ее ногтей на его груди. Николас взял ее руку и переместил туда, где она могла доставить ему удовольствие, и получил его, когда она сжала его член.

– Я слышала, она дочь покойного графа Уиклиффа. Где же ты сумел подцепить ее, Дьявол?

Он терпеть не мог, когда Анжелика называла его так. Это прозвище он получил на войне за более достойные подвиги, чем те, за которые теперь его награждали им в свете. Другое имя также заставило его нахмуриться.

Уиклифф. Встречался ли он с девицей Уиклифф? Николас отсутствовал в Англии почти три года и возвратился до-

мой всего несколько недель назад.

Он постарался сосредоточиться на своей весьма талантливой любовнице, отогнав мысли о невесте, которую сосватала ему бабушка.

Признаться, рвение и расторопность старой герцогини его немало удивили. Прошло меньше недели с тех пор, как она убедила Николаса, что ему необходимо жениться. И он предоставил ей полную свободу действий в выборе невесты. Николас полагал, что бабушка посоветуется с ним, прежде чем принять окончательное решение, однако в очередной раз недооценил ее хватку.

– Она красива? – допытывалась Анжелика.

Николас понятия не имел. Учитывая бабушкину неприязнь к себе, он сильно в этом сомневался. Но поскольку он крайне нуждался в ее состоянии, чтобы восстановить поместье, которое его покойный брат оставил разоренным, женитьба была просто необходимой сделкой.

Хартли передвинулся на простынях, приняв более удобную позу, и закрыл глаза, говоря себе, что ему наплевать, кто его невеста.

– Разве она станет делать это для тебя? – спросила Анжелика. Ее волосы рассыпались по его животу, и он собрал шелковистые пряди в кулак, чтобы наблюдать за ее работой. К его величайшей досаде она вновь подняла голову. – Я приглашена на свадьбу?

А он сам? Пока бабушка ограничилась письмом, извещав-

шим о необходимых приготовлениях.

Отбросив раздражение от этой ситуации, Николас скользнул ладонью между бедер Анжелики и принялся умело ласкать ее. Она довольно застонала, и все посторонние мысли наконец-то покинули ее хорошенькую головку. Он подождал, пока она громко вскрикнула, затем поднял и усадил верхом к себе на бедра.

Анжелика рассмеялась:

– Ты настоящий дьявол! Мне нужно быть на репетиции в театре меньше чем через час. У нас нет времени.

Николас опрокинул ее на спину и усмехнулся:

– Для этого всегда есть время, мисс Анкор.

Она выгнула спину, прижавшись к нему с легким стоном.

– Тогда еще разок, но поспеши. – Анжелика поворачивала бедрами, пытаясь заставить его действовать быстрее, однако он не двинулся с места, дразня ее.

– Поспешить, мисс Анкор? – Он ласково сжал ее сосок, и она вскрикнула от удовольствия. – Ни за что в жизни.

Оставив Анжелику полностью удовлетворенной, но безнадежно опоздавшей на репетицию, Хартли отправился в клуб «Уайтс». Виконт Себастьян Сент-Джеймс уже ждал его там, сидя в удобном кожаном кресле в обществе еще двух джентльменов.

– Решил сменить компанию, Сент-Джеймс, – проворчал Николас.

Себастьян сидел рядом с Чарлзом Уилтоном и лордом Огастусом Говардом, с которыми Ник был едва знаком. Их улыбки увяли, когда Николас уселся рядом.

– Я уж и не надеялся тебя дождаться, – сказал Себастьян с пьяной ухмылкой. – Мы только что говорили о тебе.

По спине Николаса побежали мурашки.

– В самом деле?

Уилтон улыбнулся, но глаза его остались холодными.

– Мы собирались держать пари о причине вашего опоздания, но Сент-Джеймс сказал, что это ни к чему, поскольку Анжелика Анкор стала вашей новой пассией. Все и так очевидно. – В его тоне прозвучала некоторая раздражающая резкость, заставившая Николаса напрячься.

Огастус Говард вздернул седые брови.

– Вместо этого мы решили ставить на то, в котором часу вы придете. К сожалению, вы явились на несколько часов раньше, чем я предсказал.

– Затруднения с... – Уилтон указал на пах Николаса.

– Нет! Ни в коем случае! – воскликнул Себастьян. – Я полагаю, у Анжелики сегодня днем представление... – Он ткнул Николаса локтем в бок. – Или мне следовало сказать «еще одно представление»?

Николас едва удержался.

Уилтон ухмыльнулся и отхлебнул из хрустального бокала бренди, словно знал какой-то смешной секрет.

Лорд Говард склонился ближе.

– Я слышал, дни вашего беззаботного веселья подходят к концу.

Ах, значит, вот он, смешной секрет. Его женитьба. Николас плотно сжал губы, готовясь вытерпеть массу дурацких вопросов и непристойных шуток.

Говард безобразно выпятил свои влажные от бренди губы.

– Раз уж пастор затянет петлю у вас на шее еще до конца месяца, может, вы завещаете прекрасную Анжелику мне?

Николас медленно отхлебнул виски из своего бокала, чтобы скрыть раздражение. До конца месяца? Так скоро? Он почувствовал, как воображаемая петля сжимает ему горло, представил себе: бабушка, хихикая, тянет его за ногу вниз, чтобы узел поскорее затянулся.

– Вам больше не о чем поговорить? – спросил Хартли. – Я слышал, Наполеона надежно упрятали на Эльбу. Он больше никогда не сможет нарушить мир в Европе.

Однако эти люди разительно отличались от офицеров, которых он знал в Испании. Его товарищи были трезвыми, серьезными и собранными в бою. И только после боя, когда выяснялось, кто жив, а кто погиб, они отчаянно спорили и заключали пари, распутничали, пили так же безудержно, как и эти праздные лорды. Но они поступали так, чтобы напомнить себе, что все еще живы. Чтобы забыть о том, что их каждый день подстерегает смерть. Николас посмотрел на Уилтона, Говарда и Себастьяна. Что эти хлыщи хотят забыть? Что движет ими?

Скука, предположил он.

Николас вернулся в Англию пять недель назад. И за это время не встретил здесь ни одного знатного джентльмена, который занимался бы каким-нибудь полезным делом. Или такого, кто оставался бы трезвым после полудня, если уж удосужился проснуться рано. Он помнил, что когда-то и сам был таким же, причем одним из самых худших – закоренелым повесой, необузданным в распутстве и пьянстве, богатым скучающим молодым лордом.

Но так было до того, как он ушел на войну.

Вернулся Хартли совсем другим человеком – суровым и жестким, сильным и более умным. Однако его продолжали считать все тем же глупцом и пьянчугой.

Чарлз Уилтон удивленно вскинул брови.

– Наполеон? Что же тут интересного? Особенно теперь, когда сам Дьявол собирается сковать себя брачной цепью с дочерью добродетельного графа Уиклиффа. Ну и какова она из себя, ваша невеста?

Николас сохранял невозмутимое выражение, как будто прекрасно знал все о своей невесте и его совершенно не волновало, какая она... Таинственная незнакомка, с которой он должен обвенчаться и делить постель меньше чем через месяц. Некрасивая? Он неловко поерзал в кресле, понимая, что это его все-таки беспокоит. Слегка.

Как бы он хотел вновь оказаться в Испании! Там все происходящее имело смысл. Если бы не внезапная и загадочная

гибель старшего брата, его бы сейчас здесь не было. А если бы бабушка не требовала, чтобы он оставался в Лондоне, Ник давно бы уехал в Темберлей, чтобы определить ущерб, нанесенный поместью бездарным управлением Дэвида.

Он намерен выяснить, наконец, что же приключилось с его братом. Несчастный случай, погубивший Дэвида, был, судя по всему, величайшим секретом в Лондоне. Подробности дела так же поспешно и глубоко похоронили, как и тело брата.

Николас очень переживал за бабушку, когда в Испании получил письмо от поверенного с сообщением о гибели брата. Деша нашла его спустя несколько месяцев после трагического происшествия. Бабушка вырастила и воспитала Дэвида. Она души в нем не чаяла. Но даже убитая горем, она продолжала управлять герцогством, насколько позволяли обстоятельства.

Или он все это придумал?..

Старая герцогиня набросилась на него, как только он пришел домой. Злобная мегера в черном бомбазиновом платье, отвесив ему полновесную пощечину, обвинила его во всех несчастях – в смерти Дэвида, в разорении поместья. Она замяла скандал, скрыв подробности гибели своего любимого внука, но Николасу сообщила...

Ник неспешно отхлебнул виски, ощущая, как обжигающая жидкость медленно струится по горлу.

Дэвид умер у бабушки на руках после дуэли. Его достави-

ли домой еле живого, сплошь покрытого ранами. Последними словами Дэвида были: «Это вина Николаса».

Хартли понятия не имел, что бы это могло значить. К сожалению, ему так и не удалось найти этому объяснения. Ни свидетелей, ни очевидцев... Но он намеревался все выяснить. Николас прекрасно владел искусством раскрывать тайны других людей. И потому полное неведение относительно подробностей предстоящей собственной женитьбы становилось все более невыносимым.

Себастьян пролил бренди на пол. Николас рассеянно наблюдал, как янтарная жидкость медленно впитывается в турецкий ковер...

Его бабушка так и не позволила слугам отчистить ковер в своей гостиной от крови Дэвида – бурое пятно всем бросалось в глаза. Старая герцогиня вызвала Николаса именно в эту комнату и настоятельно потребовала: женись, исполни свой долг. Кровь старшего брата обязывает младшего. Поместье разорено, и, только вкладывая собственные средства, она поддерживает его на плаву. Бабушка обещала оплачивать все его расходы, но только при условии, что он немедленно женится, и женится на девушке, которую она выберет сама.

Николас почтительно принял от герцогини деньги, необходимые для уплаты долгов и на текущие расходы, и согласился жениться на ее избраннице, но наотрез отказался позволить бабушке управлять его владениями.

– Говорят, Уиклифф воспитал своих дочерей добродетельными и скромными, – заметил Себастьян и ободряюще улыбнулся Николасу, как будто ожидая, что тот продолжит перечень достоинств девиц Уиклифф.

Николас бросил на друга хмурый предостерегающий взгляд, но Огастус Говард рассмеялся:

– Это не сулит вам ничего хорошего. Граф Уиклифф был уродливым коротышкой и в палате лордов неоднократно пытался внести на обсуждение законопроект, обязывающий аристократок давать обет целомудрия, повиновения и добродетели. – Он с усмешкой посмотрел на Николаса.

– У некрасивых мужчин, по моим наблюдениям, обычно некрасивые жены и некрасивые дочери. – Уилтон осушил свой бокал и подал знак лакею наполнить его снова. – Наверное, вам лучше оставить Анжелику за собой, если вы сможете себе это позволить.

Ну что мог знать Уилтон о его финансовых делах? Скорее всего, это просто зависть. Всем хорошо известно, что Уилтон сослал свою жену в деревню и все вечера проводит в самых низкопробных борделях Лондона.

Себастьян истолковал молчание Николаса как приглашение прийти ему на выручку в этом разговоре.

– Не беспокойтесь, джентльмены. Я знаю наверняка, что Хартли способен уложить в постель любую, не важно, красавица она или уродина. Однажды он выиграл пари, когда возникло сомнение в его способности держать своего друга в

боевой готовности достаточно долго...

– Сент-Джеймс, – предостерегающе перебил Себастьяна Николас.

По возвращении из Испании он обнаружил десятки подобных цветистых рассказов о себе, ни в одном из которых не было и крупинки правды. Он выбрал стратегию не подтверждать и не отрицать все эти рассказы. Но его молчание, похоже, только способствовало распространению дурацких слухов, все более нелепых и разнузданных.

– Уложить в постель дурнушку один раз на пари – это одно. Но ночь за ночью, пока не родится наследник... – Уилтон довольно ухмыльнулся. – Примите мои соболезнования. – Он поднял бокал, салютуя, и осушил его залпом.

Видя, что Николас не присоединился к тосту, Уилтон прищурил глаза.

– Но, может, она не так уж и плоха? Какая она – ваша невеста, Темберлей?

Николас крепче сжал в руке бокал – острые грани хрусталя больно впились ему в ладонь. Но кипевший в его душе гнев не проходил. Он не хотел быть герцогом, не хотел жениться. Тревожная мысль не давала ему покоя: неужели бабушка нарочно задумала выставить его дураком перед такими людьми, как Говард и Уилтон?

– Она женщина, я полагаю.

– Вы полагаете? – рассмеялся Уилтон.

– Все кошки черные в темной комнате! – весело провоз-

гласил Себастьян, и Николас вновь посмотрел на него предостерегающе, но друг этот его взгляд проигнорировал. – Это вынужденный брак, джентльмены. Просто старая герцогиня хочет успеть понянчить правнука на своих древних коленях, прежде чем отправится на небеса. Разве не так, Хартли?

Николас промолчал.

– Ваша невеста будет на балу у леди Мелроз в четверг? – спросил Говард. – Весь лондонский свет соберется. Самое время представить ее обществу. Доказать, что она не уродина.

– Я не пойду, – отрезал Ник.

На лице Говарда было заметно притворное потрясение.

– Неужели вы не получили приглашения? Быть того не может! Наверняка ваша репутация не настолько подмочена...

– Просто Хартли не хочет пропустить ночь с мисс Анкор, – произнес Себастьян сценическим шепотом, которым сама Анжелика могла бы гордиться.

Николас решил: с него хватит, и взялся за шляпу.

– Джентльмены, прошу меня извинить. У меня важная встреча.

Себастьян догнал его на выходе из клуба.

– Вижу, ты зол как черт! Тебе что, невеста не нравится?

– Ты знаешь всех девиц в Лондоне. Что она собой представляет? – спросил Николас.

– Кто? Дочка Уиклиффа? – Себастьян нахмурился. – В Лондоне ее никогда не видели, насколько я знаю. Они были

в трауре, с тех пор как граф скончался в прошлом году.

– Они?

Себастьян усмехнулся:

– У меня две сестры, обе отъявленные сплетницы. У графа Уиклиффа четыре дочери... Или пять? – Он потер подбородок. – Что же такое Дельфина говорила Элинора?.. Они много смеялись, когда слышали, что ты... – Он осекся. – Извини, Ник, но в городе только об этом и говорят.

– Так что же сказала Дельфина?

Сестра-близнец Себастьяна очень любила посплетничать. Не потому ли она все еще оставалась незамужем в разгар своего второго светского сезона?

– Цветы... Что-то связанное с цветами. Ах да! Каждая из сестер Уиклифф носит имя цветка. Тюльпан, Петунья, Первоцвет... – Он разразился пьяным смехом, забавляясь собственной шуткой.

Николас нахмурился.

– Которая из них моя невеста? – спросил он. У него горестно сжалось сердце. Неужели он навсегда будет скован узами брака с глупой деревенской девицей – именно этот тип женщин он всегда презирал.

Себастьян в изумлении широко раскрыл глаза.

– Ты хочешь сказать, что не знаешь?

Николас отрицательно покачал головой.

– Бабушка пожелала непременно меня женить. Поэтому я доверил ей заниматься этим самой. Очевидно, это ее выбор,

но я об этом ничего не знаю.

– В самом деле? – серьезно спросил Себастьян.

Николас направился было к своей карете, но Себастьян схватил его за рукав.

– Послушай, я наведу справки. Порасспрашиваю Дилли и Элинора. Если у кого-то имеются сведения по этому делу, мои сестры быстро все разузнают.

Николас посмотрел на своего друга. Тот был уже изрядно навеселе. Возможно, завтра он даже не вспомнит об этом разговоре. В особенности, если сейчас вернется в клуб и выпьет еще. Однако если Николас сам начнет задавать вопросы, то будет выглядеть полным дураком.

– Уверен, ты будешь действовать осторожно и осмотрительно, – предостерег он Себастьяна.

Тот прижал ладонь к сердцу.

– Что ты хотел бы узнать?

Николас заколебался. Ничего. Или все? Чего бы ему сейчас действительно хотелось, это оказаться в Испании, на войне, но война закончилась, Дэвид погиб, а он стал герцогом Темберлеем. Это означало, что он должен жениться, обзавестись детьми и стать столпом высшего общества Англии. А это и вызывало у него отвращение.

– Да ты, похоже, нервничаешь, Ник! – Себастьян ухмыльнулся.

Николас отворил дверцу кареты и обернулся к другу.

– Из-за женщины, названной в честь цветка? Не дожدهшь-

ся. Я съем ее живьем и выплуну лепестки...

– Думаешь, он что-то знает? Он не такой наивный дурак, как старший Темберлей, – сказал Огастус Говард, садясь в карету Уилтона.

– Ты обеспокоен? Из-за чего? – спросил Уилтон и постукал тростью в крышу кареты, подавая сигнал двигаться. – Он, похоже, такой же глупец, как и его брат. – Уилтон холодно взглянул на встревоженного спутника. – Разве ты не испытываешь удовлетворения при столь ироничном повороте судьбы? Темберлей собирается жениться на дочери человека, который помог убить его брата. Сомневаюсь, что ему что-то известно.

Огастус Говард нахмурился. Лучи послеполуденного солнца, просачиваясь в карету, высвечивали морщины на его лице и округлившееся брюшко под сюртуком.

– Ты ведь получил в результате хорошенькую крошку-жену. Как поживает очаровательная Клэр? – спросил Уилтон. – Тоскует по своей истинной любви всякий раз, когда ты к ней прикасаешься?

– Я люблю свою жену. А ты свою бросил, – огрызнулся Огастус Говард.

– Мы оба получили, что хотели. Месть сладка, не правда ли? Возможно, нам удастся погубить и Николаса Хартли. Теперь он дома...

– Его брат заплатил долг! – прошипел Говард.

Уилтон смерил его холодным взглядом.

– Этого недостаточно. Дэвид оказался заменой, потому что Николаса в Англии не было. Теперь он здесь.

Говард судорожно сглотнул, и Уилтон холодно улыбнулся.

– Отправляйся домой, к сладкой крошке Клэр, старина. Уложи ее в постель и будь доволен тем, что Темберлей обесчестил не твою жену.

– Когда же все это кончится? – простонал Говард.

Уилтон отвернулся и поглядел в окошко.

– Когда я решу, что с этим покончено.

Глава 3

– Где ваша сестра, Мэг? – спросила Эми, шумно раздвигая полог кровати.

Маргарита покосилась на домоправительницу и снова закрыла глаза. Ее мучили ночные кошмары о смерти отца. Когда сны бывали слишком ужасными, Роза уходила спать в гардеробную. Ночные кошмары Мэг были их общей тайной. Если бы о них узнала мама, она наверняка вновь погрузилась бы в сумрачный мир страданий и горя.

– Наверное, она в гардеробной. – Маргарита потянулась, но тут же отдернула ногу, коснувшись ступней ледяной простыни на сестриной стороне кровати, натянула одеяло повыше и свернулась калачиком.

Эми пошла посмотреть, но тут же вернулась и легонько ткнула Маргариту в бок.

– Ее там нет! Лорд Брайант прибыл в своей карете, а ваша мать ждет вас с Розой к завтраку в малой столовой. Она послала меня за вами.

Маргарита села в постели и уставилась на пустующую подушку сестры. Чемодан, в который она накануне вечером аккуратно сложила вещи Розы, исчез. С Мэг мгновенно слетела сонливость – она внимательно оглядела комнату. Затем поспешно накинула халат.

– Ты смотрела в библиотеке? В кухне?

Эми уперла руки в бока.

– Я только что из кухни!

Флора стремительно ворвалась в комнату.

– Маргарита! Ты все еще в постели! Уже девятый час, мы должны выезжать немедленно. Дороги сейчас... – Она то-ропливо прошла в гардеробную и тут же выскочила обратно. – Где Роза?

В дверях остановился Джон, их единственный теперь ла-кей, ожидая, когда можно будет нести вниз багаж.

На мгновение Маргариту охватила паника, но она сумела ее подавить.

– Должно быть, Роза внизу, – успокоила она мать. Было еще слишком рано паниковать. – Ты смотрел в оранжерее и бальном зале? – спросила она, обращаясь к Джону. – Роза любила там играть.

Флора прижала пальцы к вискам и закрыла глаза.

– Эти комнаты заперты уже много месяцев, а Роза – дав-но не ребенок. Она почти замужняя женщина, и сейчас не время для игр!

– Эми, Джон, поищите Розу, может, вам удастся ее най-ти, – распорядилась Маргарита. Когда слуги ушли, она об-няла мать за талию и подвела к креслу. – Я уверена, что вам не о чем беспокоиться. Наверное, Роза порхает из комнаты в комнату и смотрится в каждое зеркало, пытаясь решить, в каком платье она выглядит лучше. Она скоро появится и прикажет Джону отнести вниз зеркало, которое потом отпра-

вит в замок Темберлей.

Топот шагов в коридоре болью отозвался в груди Маргариты. Она в страхе уставилась на дверь в ожидании дурных новостей.

Графиня вздохнула с облегчением, когда в комнату вбежали две ее младшие дочери в ночных рубашках. Они сразу взобрались на кровать и начали прыгать. Мэг перевела дух.

– Девочки, слезайте, – сказала она, пытаясь их поймать.

– Роза уже уехала? – спросила десятилетняя Лили. – Я хотела попросить ее привезти мне из Лондона подарок.

– А я хочу ленту для волос и куклу, – добавила семилетняя Минни.

– Перестаньте прыгать, – раздраженно произнесла Флора. – Вы что, не видите? У нас неприятности.

– Какие неприятности? – спросила Минни. – Не получился десерт? Я хочу сладости из Лондона, как тот засахаренный миндаль, который всегда привозил папа.

– Удивительно, что вы об этом помните. – Маргарита ободряюще улыбнулась сестренкам, подхватила их на руки и поставила на пол, поцеловав в белокурые макушки. – Отправляйтесь в кухню и завтракайте. У мамы от вас разболелась голова.

Она поспешила в гардеробную и надела единственное оставшееся там платье. Их лучшее платье, которое Роза должна была надеть сегодня утром, исчезло. У Мэг дрожали пальцы, когда она застегивала пуговицы. Ее сестра никогда

не покидала постель, пока ее не окликнут по меньшей мере дважды.

Маргарита изобразила на лице безмятежную улыбку, чтобы не тревожить мать. Джон вернулся, когда она перевязывала лентой зачесанные назад волосы.

– Никаких признаков вашей дочери, миледи, – доложил он Флоре, бросив на Мэг обеспокоенный взгляд.

Маргарита почувствовала, что ее улыбка слегка увяла. Глаза Флоры на миг широко раскрылись, но она покачала головой. Мэг увидела, как мать разгладила ладонью лоб. Это было одним из ее правил. Когда хмуришься, образуются морщины. А морщин нужно избегать любой ценой. Флора снова уселась в кресло, уложив юбки элегантными складками.

– Она где-то здесь, я уверена. Буду сидеть и ждать, пока Роза не вернется.

В дверях показался Гектор. Выражение его лица не предвещало ничего хорошего. Маргарита почувствовала, как сердце ее уходит в пятки. Она поняла, что дядя принес дурные вести, и молила Бога, чтобы сестра не попала в беду или того хуже.

– Вам придется ждать долго, Флора. Парнишка из деревни только что принес письмо. Роза уехала. Сбежала, как она пишет.

Сердце Мэг грохнулась об пол, словно камень. Это было и в самом деле «того хуже».

Гектор протянул невестке письмо, но Флора в ужасе отшатнулась.

Маргарита застыла в ошеломленном молчании, уставившись на листок в руке дяди. Чернила на нем расплылись от слез. Или это дождь? Мэг выглянула в окно – солнечно. У нее спазмом свело живот.

– Это неправда, – прошептала Флора. – Это не может быть правдой! – Она вскинула глаза на Гектора. – Что же теперь делать?

Маргарита взяла письмо и начала читать. Роза не хотела, не могла стать женой такого мужчины, как Темберлей. Лучше ей, писала сестра, оказаться перед лицом смерти... Мэг сунула письмо в карман, не дочитав до конца. Горечь подступила к горлу. Теперь все они оказались «перед лицом смерти». Или нищеты. Ее сестра показала себя самым эгоистичным созданием на свете.

И все же, когда Мэг взглянула на то место в кровати, где обычно спала Роза, сердце ее болезненно сжалось. Будущее, которое выбрала ее сестра, могло обернуться гораздо большей бедой, чем брак с герцогом, известным своим распутством.

Маргарита сжала руку матери, переживая теперь за Розу, за Флору, за младших сестер. Гектор утешающе похлопал по плечу Флору, пытавшуюся сдержать слезы.

– Мы найдем ее, прежде чем случится что-нибудь непоправимое, – сказал он. – Она не могла уйти далеко.

Флора посмотрела на Маргариту. Взгляд ее голубых глаз колол, как иголка.

– С кем могла убежать Роза?

– Откуда мне знать? – ответила Мэг, пожимая плечами. – У нее была добрая дюжина молодых людей, которые...

– Дюжина? – воскликнула Флора. – О, Гектор, я сейчас упаду в обморок!

Гектор проигнорировал эту угрозу.

– Ты можешь сузить круг подозреваемых?

Мэг отрицательно покачала головой, а Флора с подозрением сощурила глаза.

– Быть того не может! Вы все делили с Розой уже больше года. Одежду, эту комнату, эту кровать! Наверняка ты знаешь все ее секреты!

Неужели в этом ее ошибка? Маргарита не хотела выслушивать восторженные рассказы Розы об обожателях, ее романтические мечты. Она притворялась, что это ей безразлично, и пресекала попытки сестры доверить ей свои секреты шепотом, ночью, в постели. Чувство вины пробудилось внутри, обволакивая душу.

– Только не этот.

Флора в ужасе зажала ладонью рот.

– Подумайте, какой разразится скандал! Что скажет герцогиня?

Маргарита заметила смятение в глазах дяди Гектора, перед тем как он повернулся, чтобы успокоить Флору.

– Я сам отправлюсь на поиски и доставлю Розу прямо в Лондон, когда отыщу ее. Тем временем ты, Мэг, – вы с сестрой так похожи фигурой и размерами – должна будешь ходить на примерки свадебного платья. – Он вложил свой носовой платок в руку Флоры.

Маргарита почувствовала, как у нее подгибаются колени.

– Я? – в растерянности прошептала она.

– Гектор совершенно прав. Свадьба через две недели, и мы не можем зря тратить время, – сказала Флора, поднимаясь. – Раз уж решение принято... – Она поправила прическу и водрузила на голову шляпку, как солдат, готовящийся к битве. – Я подожду вас в карете. Поторопитесь.

– Ты можешь вспомнить что-то еще? Ну хоть что-нибудь? – умолял Гектор крестницу.

Она еще раз просмотрела залитую слезами записку, внимательно вчитываясь в последние несколько строк. Роза не называла своего избранника. Ах, если бы Маргарита прислушивалась к сестре, умерила свою зависть. Она напрягла память.

– Последний молодой человек, которого она упоминала, был младшим офицером Королевского флота. Я точно не помню его имени. Эдвин, кажется. Он написал ей несколько писем, но я не... Она не разрешала мне их читать!

Гектор поцеловал племянницу в лоб.

– Не беспокойся, – сказал он, подавая ей накидку. – Я обязательно найду Розу. – Он достал из кармана визитную кар-

точку. – Тебе понадобится вот это. Адрес модистки, которую рекомендовала герцогиня. По крайней мере, получишь удовольствие, примеряя платья. Я присоединюсь к вам в Лондоне через день или два.

Мэг взяла карточку. Она видела тревогу в глазах крестного. После смерти отца на того свалилось так много проблем, которые ему до сих пор не удавалось уладить. Теперь добавилась еще одна?

Дядя улыбнулся, желая подбодрить ее.

– Ну, иди, пока мама не начала волноваться.

Сердце Мэг возбужденно колотилось, когда дядя подсаживал ее в карету.

– Вы найдете ее, не правда ли? – с надеждой спросила Флора Гектора.

Он обнадеживающе улыбнулся ей.

– Конечно.

Графиня открыла окошко кареты и с беспокойством наблюдала, как он вскочил на коня и галопом умчался прочь.

Флора закрыла глаза и со вздохом откинулась на спинку сиденья, бледная и встревоженная. Маргарита прикрыла окошко от холодного утреннего ветра, укутала ноги матери покрывалом.

Бегство Розы, когда от нее зависело спасение семьи, было страшной трагедией. Она могла оказаться в опасности, а графиня Уиклифф пребывала на грани нервного истощения. Она потеряла мужа, средства к существованию, а теперь

еще и старшую дочь, могла лишиться своего дома. Маргарита должна отыскать способ оградить мать от всего этого.

Гектор непременно отыщет Розу к моменту свадьбы. Он просто обязан это сделать.

Чувство вины захлестнуло Мэг, когда карета миновала ворота Уиклифф-Парка и свернула на лондонскую дорогу. Однако к тревоге и беспокойству почему-то примешивалось радостное возбуждение. Ей предстояло увидеть Лондон, посещать фешенебельные магазины, жить в столичном особняке лорда Брайанта. Наконец, познакомиться с печально известным Дьяволом – герцогом Темберлеем. Последнее само по себе обещало стать незабываемым приключением. Возможно, именно этого она ждала больше всего.

Глава 4

Леди Джулия Лейтон подняла с лица густую вуаль и встала, когда в гостиную вошел Николас. Он заметил темные круги у нее под глазами, подошел, поцеловал в бледный лоб, затем подвел к удобному креслу.

– Долго пришлось ждать? – ласково спросил Ник.

Невеста его брата была на позднем сроке беременности, когда он ее видел в последний раз, сразу по возвращении в Лондон. Она написала ему, чтобы объяснить, почему изменила Дэвиду с другим мужчиной, и попросила о помощи. Он увиделся с Джулией, дал денег, распорядился насчет дома, повитухи и няни для ребенка.

Николас не считал Джулию падшей женщиной. Она всегда была ему как сестра. И если бы все сложилось иначе, она стала бы женой Дэвида и герцогиней Темберлей. Губы его скривились горькой усмешкой. Он всегда представлял себе Джулию в этой роли. И вот теперь какая-то неизвестная, нежеланная женщина займет ее место. Николас уселся напротив Джулии, стараясь подавить внезапно охватившую его ярость.

– Ребенок в порядке? – спросил он.

– Да, спасибо, – улыбнулась она. – Он растет очень быстро. Я пришла попрощаться, Ник. Уезжаю из Лондона. Мой отец узнал, где я остановилась, и настаивает, что мне не следует оставаться в столице. По правде говоря, он предпочел

бы, чтобы я покинула Англию. — Джулия подняла на Ника печальный взгляд. — Он объявил всем, что я умерла. Трудно было бы объяснить, почему мой призрак разгуливает по улицам Мейфэра. — Она поднялась и плотнее закуталась в темную накидку. Ее ладони походили на белые цветы на фоне черного бархата. — Я должна поблагодарить тебя за все, что ты для меня сделал... — Джулия еле сдерживала слезы. — Ты очень добр, Николас, несмотря ни на что.

Ник тоже поднялся. Он не мог позволить ей так уехать. Он знал Джулию с детства. Ее обручили с Дэвидом, когда ей исполнилось восемь лет. Он был потрясен ее поступком, как и все остальные, но единственный из всех не винил ее.

— Куда ты поедешь?

— Возможно, во Францию. Война ведь закончилась, — сказала Джулия с напускным оживлением. — А может, в Италию. Это будет мое большое путешествие...

— С грудным ребенком?

Ее улыбка померкла.

— Я просто хотела, чтобы ты знал, Ник: я очень сожалею о том, что сделала. Что повела себя так глупо. Я причинила боль Дэвиду и своим родителям. Но сейчас я ни о чем не жалею — у меня есть Джейми. Мой сын — любовь всей моей жизни. Думаю, отец мог бы... признать внука, ведь мой брат умер, но он хочет, чтобы и я умерла...

Николас понял: Джулия представления не имеет, куда ей отправиться. Он взял ее ладони в свои. Пальцы Джулии были

ледяными.

– Джулия, не покидай Лондон прямо сейчас. Подожди несколько дней. Я сделаю кое-какие распоряжения...

– Ты и так сделал для меня слишком много, – сказала она и попыталась высвободить руки, но он не отпустил ее.

– Мой брат любил тебя.

В глазах Джулии мелькнуло сомнение.

– В самом деле? Как сестру – может быть. Это я виновата в том, что он погиб. Он дрался на дуэли за мою честь, хотя у меня уже не было чести, чтобы за нее сражаться. Он был бы жив, если бы я не...

– Он в любом случае женился бы на тебе, если бы выжил.

Она гордо вскинула голову и сжала пальцы в его руках. Николас почувствовал, как ее ногти впились в его ладонь.

– Я бы ему этого не позволила.

Несмотря на позор, превративший ее из дочери графа в отверженную обществом женщину, Джулия оставалась все той же девочкой, которую он помнил. Мерзавец, который соблазнил ее, так и не был наказан.

– Назови мне его имя, Джулия, – попросил Ник в очередной раз. – Кто отец Джейми? Это был тот мужчина, которого вызвал Дэвид?

– Теперь это не имеет значения, Ник. Я не виделась с ним с той ночи... – Джулия покраснела и закрыла глаза. – Что бы ты сделал, если бы узнал? Еще одна дуэль? Я бы не вынесла, если бы и тебя убили из-за моей глупости.

Румянец, окрасив ее бледное лицо, ненадолго возродил ту очаровательную женщину, какой всегда была Джулия.

– Тогда позволь мне еще раз поговорить с твоим отцом.

– Нет. Я не хочу снова увидеть отвращение в его глазах.

Николаса охватило жгучее желание ее защитить.

– Тогда выходи за меня замуж, Джулия.

Это разрешило бы все проблемы. Если бы Джулия была рядом как его герцогиня, его жена, жизнь в качестве герцога Темберлея могла стать вполне терпимой. Она была ему другом, сестрой...

В тот же миг Ник понял, что не должен был этого говорить.

Она удивленно посмотрела на него и грустно улыбнулась:

– Я слышала, ты обручен, Николас. Твоя бабушка никогда не позволит тебе жениться на такой женщине, как я, но я бесконечно благодарна тебе за твое предложение.

Ник испытал одновременно и разочарование, и облегчение. Он вообще не хотел жениться. Ни на ком. Он хотел невозможного – вернуть прошлое.

Джулия высвободила руки, опустила вуаль и направилась к двери.

– Надеюсь, ты будешь счастлив в браке.

– Подожди, – окликнул он. – Обещай мне, что подождешь несколько дней. Не уезжай пока из Лондона. Позволь мне навести кое-какие справки.

Она опустила взгляд на свои ладони.

– Спасибо. Мне снова придется воспользоваться твоей добротой, чтобы научиться самостоятельно стоять на ногах. Три дня – потом я уеду.

Когда Джулия ушла, Николас задумался: что бы произошло, если бы она приняла его предложение? Это было бы так просто, так правильно для них обоих. Удобный дружеский союз. Но Джулия права. Старая герцогиня никогда не приняла бы ее. А что теперь? Он связан с женщиной, которую даже никогда не видел. Гнев снова вспыхнул в его душе при мысли о жуткой бессмыслице, которая возникла со смертью Дэвида.

Герцог налил в бокал виски и уставился в янтарную глубину, думая о невесте, которую бабушка выбрала для него. О женщине, согласившейся ради состояния и титула на брак с незнакомым мужчиной. Разве это менее ужасно, чем то, что сделала Джулия?

Он отставил бокал в сторону нетронутым. Его невеста не представляет себе, что получит вместе с его состоянием. Молодая герцогиня и вправду заключает сделку с дьяволом.

Он заставит ее отработать каждый пенни.

Глава 5

– Ах, мадемуазель, этот розовый шелк так вам к лицу! Он придает вам необычайный блеск. Это сделает вашего жениха счастливейшим из мужчин!

Модистка герцогини оказалась миниатюрной женщиной, типичной француженкой. Она порхала по мастерской на цыпочках, собирая образцы, щелкая пальцами своим помощницам, словно фея. И как по волшебству, стоило ей окутать плечи Маргариты куском светло-розового шелка, девушка превратилась из заурядной простушки в принцессу. Мэг смотрела на свое отражение в зеркале в благоговейном восторге. Этот цвет выявлял и подчеркивал золотистое сияние ее кожи, роскошную рыжину волос. В нем она выглядела необыкновенно яркой. И почти осмелилась думать, что прекрасной.

– Кто этот счастливый джентльмен? – спросила модистка, вскинув голову и внимательно изучая отражение Мэг в зеркале, одновременно подгибая и закалывая шелк.

– Герцог Темберлей, – не задумываясь, ответила Маргарита.

В глазах француженки мгновенно вспыхнул интерес.

В зеркале над плечом Мэг появилось лицо Флоры.

– Этот цвет подошел бы ей, если бы она была блондинкой?

Модистка поджала губы.

– Миледи подумала о себе, должно быть. Вам я предложила бы более темный оттенок розового.

– Тогда шейте платье из розового шелка более темного оттенка, – распорядилась Флора.

Модистка недовольно покосилась на нее.

– Но юной леди очень идет бледный оттенок. Замена цвета будет огромной ошибкой.

Более яркий розовый подчеркнул бы цвет лица Розы, голубизну ее глаз, сочность губ. Маргарита криво улыбнулась. Если бы ее сестра хотела выбирать сама, ей не следовало сбегать из дома.

– Где пропадает леди Роза сегодня утром? – раздался властный голос позади.

Мэг обернулась и увидела герцогиню Темберлей, стоявшую у нее за спиной. Флора ахнула и схватилась за сердце. Герцогиня ее полностью проигнорировала. Усевшись на стул, она критическим взглядом окинула Мэг.

Маргарита с трудом сдержала порыв прикрыть ладонями грудь. Она была завернута в отрез тонкого муслина, заколотого булавками и помеченного ее мерками. Девушка почувствовала, как под оценивающим взглядом старой леди каждый открытый дюйм ее тела вспыхнул жарким румянцем.

– Роза простудилась, – солгала Мэг, не моргнув глазом. – Но у нас одинаковые размеры, а времени, чтобы сшить свадебное платье, осталось так мало, она и попросила меня пойти на эту примерку вместо нее.

Герцогиня насмешливо скривила губы.

– Значит, она все еще не согласна.

– Ну что вы, ваша светлость, – зачастила Флора. – Теперь, когда Роза оправилась от потрясения, вызванного неожиданностью вашего – вашего внука – предложения, она бесконечно рада тому, что выходит за герцога. Она в полном восторге...

Маргарита поморщилась. Притворная улыбка Флоры выглядела чересчур сияющей.

– Это вы так считаете, графиня. – Герцогиня обратилась к модистке: – Примерьте на нее зеленое, Матильда.

Три помощницы поспешно притащили несколько отрезков зеленого бархата, шелка и дамаста.

– Вот этот. – Герцогиня выбрала бархат болотного цвета. – Сшейте костюм для верховой езды. Что-нибудь потрясающее. Подкладку сделайте красно-коричневой или алой. Я доверяю вашему вкусу, Матильда, в выборе остальных платьев, но хочу, чтобы вы сотворили нечто роскошное, что можно было бы надеть с сапфирами.

Помощницы модистки тут же окружили Мэг, окутывая ее великолепными дорогими тканями.

– Сапфиры? – спросила Флора.

– Знаменитые фамильные сапфиры Темберлей, – важно поведала ее светлость. – Молодая герцогиня наденет их на первый бал, куда отправится с Николасом после свадьбы.

Матильда задрапировала Маргариту в бледно-голубой ат-

лас, отливающий ледяным блеском.

– Я видела эти сапфиры. Они восхитительны! – восторженно прошептала она, целуя свои пальцы и театрально закатывая глаза.

– Такие драгоценности будут затмевать красоту Розы, – пробормотала Флора. – Ей больше подошли бы жемчуга и бриллианты.

– Желтые бриллианты удачно оттенят ее карие глаза... – задумчиво произнесла герцогиня.

– У Розы голубые глаза, ваша светлость, – пропела Флора.

– Я помню об этом, графиня. – Герцогиня не отрывала глаз от Маргариты.

Под ее беззастенчиво пристальным взглядом девушка почувствовала, как в душе закипает возмущение.

– Вы пришли заказать платье для себя, ваша светлость? – спросила она, гордо выпрямившись в волнах поблескивающего бледно-голубого атласа. Ее этот цвет не подавлял. Напротив, выгодно подчеркивал нежно-кремовый цвет кожи и янтарный блеск волос.

– У меня множество платьев. Однако уже никого не интересует, как я одета. Все жаждут увидеть новую герцогиню Темберлей. Я надеюсь, она произведет грандиозное впечатление. – Старая леди медленно обошла вокруг Мэг, рассматривая ее со всех сторон. – Скажите, Маргарита, ваша сестра храбрая девушка?

Мэг пожала плечами и едва успела поймать атласную

ткань, соскользнувшую с одного плеча.

– Не понимаю, почему...

– Никогда не пожимайте плечами, – сухо заметила герцогиня. – Это неподобающая манера.

Мэг упрямо вздернула подбородок при этом наставлении.

– Зачем Розе быть храброй? Она выходит замуж, а не отправляется на войну.

Холодные обсидиановые глаза герцогини встретились с глазами Маргариты в зеркале.

– Она выходит замуж за мужчину, пользующегося дурной репутацией. За самого отъявленного распутника в Лондоне. Этот брак может обернуться для нее сражением. Ей придется появляться вместе с ним на публике и сохранять безмятежность и обходительность независимо от того, какой скандал учинит Николас. Достаточно ли у нее храбрости, чтобы так поступать?

Мэг опустила взгляд, чтобы герцогиня не смогла прочесть ответ в ее глазах. Роза сбежала из дома, чтобы избежать именно этого. Изысканных нарядов и фамильных сапфиров будет недостаточно, чтобы утешить Розу, когда ее муж отправится к другой женщине или... Мэг собралась было сослаться на невинность Розы, но насмешливая ухмылка на лице старой леди вызвала у нее крайнее раздражение.

– Конечно, она очень храбрая. Из Розы выйдет великолепная герцогиня.

Ее светлость снова оглядела Мэг с ног до головы.

– А вы, Маргарита Линтон, вы – храбрая девушка?

– Думаю, мой характер не интересен для обсуждения, ваша светлость.

Герцогиня наклонилась вперед, ее темные глаза впились в глаза Мэг.

– Я тоже читала бульварные газетенки. Там пишут, что он великолепный любовник, – прошептала она. – Однако с ним нелегко. В постели он потребует того же, что дает сам.

Маргарита широко раскрыла глаза. Слишком откровенные слова герцогини должны были шокировать и возмутить ее, но она только крепче сжала бледно-голубой атлас у своей груди и ждала продолжения. Старая герцогиня отступила назад и рассмеялась:

– Какая интересная реакция у юной леди! Вы ничуть не шокированы? Вам любопытно?

– Маргарита! – ахнула Флора.

Мэг тут же опустила глаза и покраснела, теперь и в самом деле испытав шок. Старая герцогиня говорила так, как будто речь шла о незнакомце, а не о ее любимом внуке. Девушка поймала на себе взгляд темных глаз герцогини – холодный и расчетливый. Старуха разглядывала Маргариту, как обычно осматривают племенную кобылку, оценивая ее стать и решая, подходит ли она породистому жеребцу. У Мэг перехватило дыхание.

Герцогиня отвернулась от нее и указала на рулон ткани.

– Вон тот прозрачный шелк, Матильда. Соорудите что-

нибудь сногшибательное для брачной ночи.

– Может, подобрать ткань поплотнее? – робко спросила Флора. – Роза легко простужается.

– То-то ее и нет здесь сегодня, – усмехнулась герцогиня. – Матильда, сшейте еще накидку из голубовато-серого бархата и прогулочное платье... вон из той серой парчи, – продолжила она.

Модистка летала по мастерской, отбирая материалы, указанные герцогиней. Скоро Мэг оказалась по колено во все разрастающейся гряде тканей.

– Подождите!... – ошеломленно воскликнула Флора.

Но Матильда только усмехнулась:

– Не беспокойтесь, графиня. У ее светлости превосходный вкус. Ваша юная леди будет восхитительной невестой!

Мэг попыталась переступить через волны материи.

– Но я не...

Герцогиня с громким стуком уронила на пол свою трость. Помощница модистки и Флора бросились ее поднять и, стукнувшись головами, вскрикнули от боли. Другая помощница поспешила к ним, чтобы поддержать стопку модных журналов, угрожавших рассыпаться, когда Флора попятилась. Невозмутимо взирая на этот хаос, герцогиня сама подняла свою трость.

– Да, я совершенно уверена, что свадебное платье шить следует из бледно-розового шелка, Матильда. Доброго дня, Маргарита. Не сомневаюсь, что увижу вас на свадьбе.

Герцогиня стремительно покинула мастерскую, ни разу не оглянувшись. У Мэг спазмом свело живот.

Бедная, бедная Роза...

Глава 6

Лорд Брайант вернулся домой в ночь накануне свадьбы, измученный, помятый, небритый после долгих дней тяжелого путешествия.

Вернулся один.

Как только он вошел в гостиную, Мэг по его глазам поняла, что он потерпел поражение. Дядя мрачно помотал головой из стороны в сторону – Флора упала на ковер в шумном потоке слез.

Маргарита позвонила служанке и отослала мать наверх с живительным бокалом хереса. Несколько минут спустя служанка вернулась за графином.

– Вам удалось отыскать хоть какие-то следы Розы? – спросила Мэг.

Гектор тяжело опустился в кресло, словно это был первый раз, когда он позволил себе отдохнуть за все эти дни.

– Эдвин, которого ты упомянула, оказался Эдвином Рамзи, мичманом Королевского военно-морского флота. Прешлой весной он женился и с тех пор не виделся с Розой. Он посоветовал мне навестить Питера Маркема, молодого армейского капитана, полк которого базируется в Девоне. Капитан Маркем направил меня к лейтенанту Филлипсу. И так продолжалось несколько дней... – Он взъерошил пятерней волосы. – След оборвался. Больше негде искать. Если она

сбежала в Шотландию, сейчас она наверняка уже замужем. У меня не было времени ехать и туда тоже. В Шотландии не меньше мужчин, чем в Англии, и я боюсь, многие из них когда-нибудь писали любовные письма твоей сестре.

Мэг похолодела от страха.

– Но ведь свадьба уже завтра!

Гектор закрыл глаза.

– Я знаю.

Дрожащими руками Мэг налила крестному бокал бренди.

Их ждал позор, скандал, нищета и жалкое прозябание в глуши. Но не в Уиклифф-Парке.

Гектор отхлебнул бренди и благодарно кивнул племяннице.

– Утром я сам отправлюсь к Темберлеям и попытаюсь объяснить ситуацию.

Маргарита присела на краешек кресла.

– Уиклифф придется сразу же продать...

– И это все, что ты можешь сказать? – Гектор нахмурился. – Ты не сердись на сестру за предательство? Если бы она не сбежала, вы не оказались бы в таком ужасном положении. Я знаю, ты беспокоишься о ней. Да, мы всегда знали, что она глупое, тщеславное создание, но сейчас...

– Твои сетования, дядюшка, делу не помогут! – воскликнула Мэг.

Гектор закрыл глаза и потер их большим и указательным пальцами.

– У вас есть родственница в Кенте. Вероятно, вы сможете отправиться туда.

– Ее семья небогата. Она не может себе позволить содержать еще и нас.

– Тебе придется, скорее всего, искать работу, чтобы зарабатывать на хлеб и себе, и матери, и сестрам. И это тебя ничуть не пугает?

– Конечно, пугает! – воскликнула Маргарита, вскочив на ноги. – Мне бы очень хотелось, чтобы Роза сделала правильный выбор и осталась. Но она посчитала иначе. Теперь нужно позаботиться о маме и девочках.

– Если бы ваш отец не был таким безрассудным болваном...

Мэг подняла руку, останавливая его. Папа умер, и больше не о чем было говорить. Сейчас она не хотела об этом даже думать. Не хотела предаваться печали и сожалениям. Чувствуя, что к глазам подступают слезы, Мэг усилием воли сдержала их, как поступала всегда, вспоминая об отце. Сейчас нет времени плакать, как не было его с того дня, когда отец... Нет! Она судорожно сглотнула комок, подступивший к горлу.

– Завтра в одиннадцать утра герцогиня пришлет карету, чтобы возить маму и Розу в церковь, – сказала она, меняя тему.

Гектор болезненно поморщился.

– Я же сказал, что позабочусь об этом, – заявил он, но тут

же лицо его вытянулось от огорчения. — Боже мой, извини меня, Мэг. Ты ни в чем не виновата. Иди спать и постарайся не волноваться.

Поднимаясь по лестнице, Маргарита помолилась за сестру, желая ей не попасть в беду. Проходя мимо спальни матери, она услышала рыдания. Помедлила, взявшись за дверную ручку. Флоре снова грозила опасность потерять все. Сначала ей пришлось пережить смерть мужа. Потом обнаружилось, что он оставил семью совершенно без средств. Теперь вот Роза сбежала из дома, обрекая родных на скандал и бесчестье.

Гнев закипел в душе Маргариты. Она отпустила ручку двери и отступила назад. Что она могла поделать? Мать останется безутешной еще долгое время. Мэг проклинала безрассудное поведение сестры. Разве имеет значение, что Темберлей пришелся Розе не по вкусу? Что он не угодливый молодой офицер, готовый благоговейно упасть к ее ногам? Его денег с лихвой хватило бы, чтобы сделать его общество вполне сносным.

Розе всего-то и требовалось потерпеть некоторое время, чтобы произвести на свет наследника. А после этого? Ну, мужа и жены обычно живут раздельно, вращаясь в высших сферах общества. Роза могла бы жить своей жизнью, выбирая развлечения по вкусу и пользуясь в полной мере огромным состоянием герцога.

Маргарита вошла в спальню, предназначенную для стар-

шей сестры. Свадебное платье, висевшее посреди комнаты, приветствовало ее, словно призрак Розы. Мэг подошла и коснулась его. Нежный шелк потеплел под ее пальцами, будто живое существо. Платье было великолепное. Мадам Матильда превзошла себя. Как печально, что никто никогда его не наденет...

Девушка сняла платье с вешалки, приложила к груди и посмотрелась в зеркало. В тусклом свете свечей она поразительно переменилась и вполне могла бы сойти за Розу, если бы была блондинкой. Как часто отец сетовал, что Мэг не подходит на остальных его безупречных отпрысков. Он всегда считал вторую дочь диким полевым цветком среди роз. Но сейчас! Сейчас она выглядела как невеста.

Маргарита задумалась: каково это – быть его невестой? Наверное, ей никогда не выйти замуж. Ее ожидало будущее старой девы, гувернантки или компаньонки.

Мэг решительно разделась до сорочки и надела свадебное платье. Светлый шелк тихо шелестел, словно вздыхал, скользя по ее телу.

Она зажгла большую свечу и встала перед зеркалом. Платье сидело прекрасно, будто было сшито для нее. Горькая улыбка тронула ее губы. Оно и было сшито для нее. Это платье не для Розы – она его даже не видела. Изменила бы она свое мнение насчет свадьбы с Николасом, если бы увидела это платье?

Маргарита собрала волосы в пучок и заколола их на ма-

кушке, изогнула шею и поджала губы, позируя перед зеркалом. Повинуясь внезапному порыву, она схватила один из кружевных пеньюаров, которые служанка еще не успела упаковать, и накинула себе на голову. Фестончатый подол спустился ей на лицо, остались видны только губы.

У Маргариты замерло сердце. Она несколько раз моргнула. Тонкие белые кружева выскользнули у нее из рук – пышные волосы рассыпались по плечам. Она впилась взглядом в собственное отражение в зеркале.

Неужели она осмелится?

Если ее поймают, семью Линтон ждет грандиознейший скандал. Но если ее затея увенчается успехом...

Маргарита отыскала шпильки, закрепила самодельную вуаль более прочно и снова посмотрелась в зеркало.

Глава 7

– Где он, Сент-Джеймс?

Увидев бабушку Николаса, Себастьян Сент-Джеймс потряс головой, чтобы вернуть ясность мыслей. Он чувствовал себя так, словно его настиг тигр-людоед, не утруждающий себя тонкостями вроде «доброе утро», прежде чем сожрать заживо.

– Разве его здесь нет? – хрипло пробормотал Себастьян и смущенно откашлялся, прочищая горло.

Он только что прибыл в Хартли-плейс, чтобы сопровождать Николаса в церковь. Хотя часы показывали почти одиннадцать, это было слишком рано для Себастьяна, обычно встававшего с постели после полудня. Особенно после ночи беспробудного пьянства. Столкновение с грозной герцогиней Темберлей, восседавшей в кресле посреди центрального холла, повергло его в дрожь. Он лихорадочно облизал губы, сорвал с головы шляпу и прикрыл ею, словно щитом, жизненно важную часть своего тела.

– Вам отлично известно, что его здесь нет. Где он?

Губы Себастьяна зашевелились, челюсти задвигались, но ни звука не вырвалось из его горла. Он пытался придумать учтивую отговорку, но сообщил только:

– Николас выходил вчера вечером, чтобы отпраздновать... радостное событие. Но он дал мне слово, что сегодня

утром будет на месте вовремя...

Ясно было, что герцогиня не поверила ни единому его слову, и Себастьян умолк.

Он переступал с ноги на ногу, как провинившийся школьник, пытаясь придумать пристойное объяснение отсутствию Николаса, но голова у него нещадно гудела. Вчера они побывали на трех вечеринках. И было уже хорошо за полночь, когда Себастьян ввалился в ближайшую карету и приказал кучеру везти его домой. Поскольку утром он проснулся в собственной постели, значит, это была его карета. Он предполагал, что Николас продолжил развлекаться без него. У его друга был нрав и выносливость боевого коня.

– Он опоздает на собственную свадьбу, если не появится здесь в ближайшие пять минут, – раздраженно произнесла герцогиня. – Вы знаете, где его искать? Вероятно, у этой актрисы?

Себастьян покраснел. Бабушка Николаса была на удивление хорошо осведомлена. Конечно, она терпеть не могла своего младшего внука и, судя по всему, верила каждой бульварной сплетне о нем.

– О, не думаю, что он стал бы...

Герцогиня с силой ударила тростью по мраморным плиткам пола – громкий стук эхом разнесся по просторному холлу. Себастьян вздрогнул.

– Не глупите! Я хорошо умею читать, и слух у меня отличный. О пагубных привычках Темберлея судачат в каждой

гостиной Лондона, как и в несчетном количестве мест весьма сомнительной репутации. Отправляйтесь и найдите его!

– Прошу прощения?.. – прохрипел Себастьян.

– Найдите его! И притащите в церковь, в каком бы состоянии вы его ни обнаружили, пьяным или трезвым, даже голым, – рявкнула старая леди, и голос ее отозвался в голове Сент-Джеймса как удар молота.

Себастьян попятился к двери, пытаясь поклониться и сбежать в одно и то же время. Дверь отворилась, прежде чем он успел добраться до нее.

– Сент-Джеймс, ты уже здесь? Я боялся, ты опоздаешь. – Николас дружески хлопнул друга по спине, едва не свалив с ног, и из груди Себастьяна вырвался свистящий звук. Ник был растрепан, всклокочен, все еще в вечерней одежде. Галстук его свободно болтался на шее, на жилете недоставало пуговицы. Он выглядел в точности как человек, прошедший ночь в кутежах и распутстве.

Николас широко улыбнулся бабушке. Себастьян хорошо знал эту его улыбку. Ник приберегал ее для оболения тех женщин, которых труднее всего было завоевать. Но на герцогиню его улыбка не возымела ни малейшего действия. Ее светлость только злобно посмотрела на него в ответ.

– Ты, болван! У тебя только несколько минут, чтобы помыться, побриться и одеться. Недопустимо опаздывать на собственную свадьбу, Темберлей.

Николас галантно склонился к ее руке, но бабушка раз-

драженно отдернула руку.

– Я непременно буду там, ваша светлость. Если нет, вы с Дейзи² можете начинать без меня.

Себастьян с трудом сдержал улыбку. Ответ друга прозвучал дерзко и смело. Однако язвительность его слов больно ранила старую леди.

Николас стремительно взбежал по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки и призывая на ходу своего камерди-нера. Себастьян последовал за ним, но не так резво.

– Вы должны позаботиться о том, чтобы он прибыл вовремя, Сент-Джеймс. Вам ясно? – крикнула герцогиня. – Венчание назначено на одиннадцать. – Она встала и окинула Себастьяна презрительным взглядом. – Наверное, все же лучше мне самой проследить за тем, чтобы он туда попал.

Себастьян попытался изобразить порочную ухмылку Николаса, но она больше походила на гримасу.

– Пожалуйста, ваша светлость, поверьте. Я приложу все усилия, чтобы ваш внук явился вовремя. Он хочет ехать верхом, и свежий воздух явно пойдет ему на пользу.

«Или сделает похмелье Николаса еще более мучительным», – подумал Себастьян.

– В его распоряжении пятнадцать минут, или я поднимусь наверх и насильно спущу его оттуда. Вы слышите? – Слова герцогини прогремели под куполом холла и раскатом грома обрушились на голову Сент-Джеймса.

---

² От *англ.* «daisy» – «маргаритка».

– Прекрасно слышу, ваша светлость. Я поднимусь и потороплю его. – И Себастьян ускользнул от герцогини, прежде чем она успела пригрозить кастрацией в случае неудачи, что относилось к нему, а не к Нику, поскольку она хотела иметь наследников.

Себастьян захлопнул за собой дверь в комнату друга и привалился к ней спиной. Волосы Ника были влажными после поспешной ванны, а его камердинер приготовился его брить.

– Господи, Дьявол, твоя бабушка – суший дракон!

– Она такая же женщина, как любая другая. Просто нужно уметь очаровать ее и управлять ею, – ответил Николас.

– Да неужели? Ну, если ты знаешь, как с ней справляться, тогда почему ты так спешишь в церковь, где священник уже готов накинуть тебе петлю на шею? Похоже, это бабушка управляет тобой и принуждает жениться.

– Предоставим ей вволю насладиться этим событием. Пусть порадуетса, верно? – сказал Ник, пересек комнату и отхлебнул кофе, ожидавший на подносе.

Себастьян взглянул на часы и поморщился.

– Поторопись, старина, иначе никому не придется радоваться. Ее светлость оторвет мне голову, поджарит ее и подаст к столу на свадебном завтраке, если ты опоздаешь. – Он подошел к гардеробу и распахнул дверцы. – Какой сюртук наденешь?

– Что ты посоветуешь, Партридж? – спросил Николас ка-

мердинера.

– Более всего подошел бы темно-синий или серый, ваша светлость. Что-нибудь элегантное и достойное.

Ник поставил чашку с кофе на поднос и усмехнулся.

– Ты слышал, Себ? В таком случае я надену зеленый. С красным в полоску жилетом.

Себастьян содрогнулся, когда Партридж достал эти вещи из гардероба. Сюртук изумрудного цвета больше подходил для посещения скачек. И даже там свидетельствовал бы о дурном вкусе.

– Вы уверены, что имели в виду именно этот сюртук, сэр? – спросил Партридж.

– Этот самый, – ответил Николас. – С черными бриджами и сапогами. Что скажете на это?

– Вы произведете на невесту неизгладимое впечатление, ваша светлость, – рассудительно произнес Партридж.

– В этом-то и весь смысл. Как хорошая лошадь, она должна знать, кто ее оседлал и в чьих руках хлыст. Я хочу показать ей это с самого начала.

Себастьян не понял, каким образом столь ужасный наряд мог способствовать достижению поставленной цели, но обсуждать это не было времени.

Он нетерпеливо поглядывал на часы, пока Партридж с его обычной аккуратностью завязывал хозяину галстук и надевал на него тошнотворно яркий жилет. Сюртук показался почти даром небес, поскольку скрыл большую часть поло-

сок.

Ник взял из рук Партриджа цилиндр, вышел из комнаты и бегом спустился с лестницы. К счастью, вдовствующая герцогиня уже покинула свой пост.

– Ее зовут Роза, – напомнил, тяжело дыша, догнавший его Себастьян. – Не Дейзи.

Лакей отворил перед ними дверь, и друзья вышли из дома.

– Роза, – повторил Николас с нарочитой медлительностью.

– Роза, – подтвердил Себастьян, щурясь под безжалостным полуденным солнцем.

На губах Николаса играла дьявольская ухмылка, и Себастьян ощутил тревожный спазм в животе. Ему даже стало жаль несчастную невесту.

Ее ожидал ужасный день.

Глава 8

Флора все еще рыдала, когда Маргарита утром, одевшись для венчания, спустилась вниз. Двигаясь на звук материнского голоса, она подошла к малой столовой и отворила дверь. Гектор гладил Флору по руке, стараясь утешить.

Он удивленно ахнул и вскочил на ноги.

– Роза!

Флора, лишившись чувств, соскользнула на пол – Гектор не успел ее подхватить. Заметно побледнев, он уставился на невесту, стоявшую перед ним. Мэг слегка приподняла вуаль и посмотрела на мать.

– Что за дьявольскую игру ты затеяла, Маргарита? – Крестный наклонился, чтобы растереть запястья лишившейся чувств Флоры. – Посмотри, что ты сделала со своей бедной матерью. Мы приняли тебя за Розу.

Мэг полностью откинула вуаль с лица.

– Я не веду никакой игры. Я собираюсь выйти замуж за герцога Темберлея вместо Розы. Ему нужна жена – нам нужны его деньги.

– Ты в своем уме? – Гектор отпустил руки Флоры и выпрямился, переступив через ее распростертое тело, чтобы приблизиться к Мэг.

Маргарита села за стол и намазала маслом тост, хотя есть ей совсем не хотелось. Страх в ее душе сменился отчаянной

решимостью.

– Послушай, дядя. Герцог ни разу не появился в этом доме, не прислал ни одного письма, не передал даже такой малости, как цветы. А мы ведь в Лондоне уже две недели. Ему, очевидно, все равно, на ком жениться. Так что и я сгожусь не хуже Розы. Если для него женитьба – это игра, то я подыграю ему, чтобы спасти нашу семью от нищеты.

– Но герцогине не все равно! Мэг, я не могу позволить тебе... – начал Гектор, но в этот момент Флора пришла в себя и ухватила за его лодыжку.

Она села и посмотрела на дочь.

– Ты готова пойти на это, Маргарита? Ты согласна выйти за Темберлея вместо сестры? – В голубых глазах матери были и страх, и надежда.

– Да, мама. Я выйду за него замуж. У нас нет другого выхода. Мы не можем допустить, чтобы Минни и Лили росли в долговой тюрьме.

Флора поднялась на ноги. Глаза ее пробежались по платью Мэг и ее вуали.

– Ты делаешь это для меня? Для своих сестер? Выходишь замуж за незнакомца? Я хочу сказать, управляться со слугами и продавать серебро – это одно, но это... – Она взглянула на дочь так, будто видела ее впервые.

Мэг почувствовала, что слезы подступают к глазам. Она через силу улыбнулась.

– У меня нет желания остаться старой девой и служить гу-

вернанткой до конца своих дней. Если я стану женой Темберлея, не нужно будет больше распродавать вещи Уиклиффов. Возможно, удастся даже кое-что выкупить. Например, папиных лошадей и мою кобылу...

Из всего, что они потеряли, эти лошади были особенно дороги Маргарите.

Флора удивленно посмотрела на нее.

– Я все же считаю, что это неудачная идея. В этом браке тебе придется нелегко, – вмешался Гектор. – Роза, возможно, справилась бы с этим, несмотря на ее склонность к истерикам. Стоит подарить ей сверкающее ожерелье, и она забудет обо всем на свете. Ты заслуживаешь большего, дорогая. И я не уверен, что этот мужчина способен дать тебе это.

Мэг отложила намазанный маслом тост в сторону, не в силах даже притвориться, что ест.

– Мне ничего не нужно, кроме его денег, – солгала она. – Просто с самого начала я устанавливаю определенные правила.

– Из того что мне известно о Николасе Темберлее, он из тех, кто сам устанавливает правила, – предостерег племянницу Гектор.

Мэг упрямилась:

– На этот раз ему это не удастся. Я выйду за него, рожу ему наследника и ясно дам понять, что не потерплю, чтобы мне ежедневно устраивали скандалы.

– Хотя ты и выглядишь сегодня бесподобно, – сказала Флора, покачав головой, – ты не из тех женщин, кто спосо-

бен исправить повесу. У тебя нет опыта – знания тех женских хитростей и уловок, которые при этом требуются. Ты, безусловно, умна, но с ним тебе не справиться, дорогая.

– Уловки мне не нужны. Как только я рожу ему сына, мы будем жить раздельно. Я получу щедрое содержание, чтобы поддерживать вас, а он получит полную свободу. Это займет всего несколько недель. Я выросла на ферме, где разводили лошадей. Когда хотят получить жеребенка, на это уходит немного времени.

Гектор густо покраснел.

– Вы думаете...

Флора положила ладонь ему на рукав.

– Наверное, мать лучше подготовлена по этой части, Гектор.

На лице его отразилось явное облегчение.

– Прекрасно. Мне уйти?

– Да, – ответила Флора.

– Нет! – возразила Мэг.

– Маргарита, – прошептала Флора. – Тебе нужно узнать о браке много такого, о чем мне неловко будет говорить при твоём крестном. – Ты получила весьма строгое воспитание. Ты хотя бы представляешь себе, как беременеет женщина?

Мэг удивленно вскинула брови.

– Конечно. Папины породистые лошади все время этим занимались.

Гектор издал сдавленный стон и начал пятиться к двери,

но Флора схватила его за руку, удерживая рядом.

– Между мужчиной и женщиной все происходит иначе, Маргарита. А этот мужчина... Ты ведь слышала, что сказала о нем герцогиня? – Флора потянула Гектора за рукав. – Скажите ей, Гектор!

– Сказать ей – что? – испуганно спросил он.

– Что о нем говорят!

– Она уже знает, что он повеса и игрок, и... – начал Гектор с несчастным видом.

Флора фыркнула, как одна из лошадей лорда Уиклиффа.

– Конечно она это знает! Они с Розой читали бульварные газетенки Эми.

– Мама! Как ты узнала? – спросила Мэг, но Флора не позволила ей сменить тему разговора.

– Вы понимаете, что я имею в виду, Гектор. Ходят слухи о его любовных подвигах. Говорят, у него... – Она вытянула перед собой руку примерно на фут.

Мэг нахмурилась. Гектор покраснел. Он подхватил Флору под руку и решительно увлек в коридор. Маргарита подкралась к неплотно прикрытой двери, чтобы послушать, о чем они говорят.

– Флора, не следует говорить невесте в день свадьбы, что ее муж... – Он прошептал слово, которое Мэг расслышать не удалось.

– Мне жаль, что Маркус настаивал, чтобы девочки воспитывались в полном неведении о подобных вещах. Ей нужно

это знать, Гектор.

– Зачем? Она узнает это в свое время. Я уверен, Темберлей – не дикарь. Просто расскажите Мэг то, что вам говорила ваша мать, – посоветовал Гектор.

– Она велела мне лежать неподвижно и притвориться, что я сплю, – проворчала Флора.

Маргарита отворила дверь.

– И это все?..

Флора нервно вскрикнула от неожиданности.

Послышалось осторожное покашливание.

– Карета герцога Темберлея ждет вас, милорд, – доложил лакей.

Флора ахнула. Мэг выступила вперед:

– Можете сказать кучеру, что мы будем готовы незамедлительно.

Вошел дворецкий Гектора с букетом розовых роз. У Мэг замерло сердце: неужели от жениха?

– С наилучшими пожеланиями от ее светлости герцогини Темберлей, – пояснил дворецкий.

Мэг взяла букет с легким разочарованием.

– Могу я поздравить вас, миледи? – осведомился дворецкий.

Раздражение вновь закипело в ее душе.

– Спросите меня об этом позже.

Глава 9

Карета остановилась перед церковью Святого Георгия на Ганновер-сквер. Маргарита, глубоко вздохнув, оглядела серый фасад старинного храма. Здание смотрело на нее с явным неодобрением за ее обман. Девушка опустила взгляд на свадебный букет.

Розы для Розы...

Маргарита закрыла лицо от лба до кончика носа самодельной вуалью.

– Красивая вуаль, дорогая, но я не помню, чтобы мы ее покупали. Где ты ее взяла?

Мэг склонилась к матери и прошептала ей на ухо:

– Вуаль, которую мы заказали для Розы, слишком тонка. Сквозь нее все видно. – Она ощутила легкий спазм в животе. – Он уже здесь?

Флора оглядела улицу.

– Другой кареты не видно, – возмутилась она. – А он должен дожидаться тебя.

Гектор взял их под руки и повел вверх по ступенькам.

– Учитывая сложившиеся обстоятельства, я думаю, даже лучше, что он опаздывает. Маргарита – не Роза...

– Как будто он может отличить одну от другой, – пробормотала Мэг, но страх не отпускал ее.

Даже если Темберлей не встречался ни с одной из сестер,

наверняка герцогиня рассказала ему о легендарной красоте Розы, когда оформляла помолвку, а внука ее всегда видели рядом только с утонченнейшими красавицами Лондона. Мэг скривила губы: она, без сомнения, первая заурядная женщина, которая осмелится заговорить с ним.

Из-за угла показалась карета, и Флора вытянула шею, пытаясь разглядеть, кто внутри. У Мэг пересохло в горле, когда карета направилась к ним.

– Ну, Маргарита, мужайся, нельзя терять время. Темберлей, может, и не сумеет отличить тебя от Розы, но герцогиня-то тебя узнает. Если она остановит венчание в ту минуту, как ты войдешь в церковь, мы будем выглядеть еще большими дураками, чем если бы признались, что Роза сбежала из-под венца, – сказал крестнице Гектор, беря ее под руку, а другой рукой подталкивая Флору в спину, чтобы поскорее ввести их в храм. – Дурная примета: если жених увидит невесту в подвенечном платье до свадьбы, жди несчастья. В нашем случае это и в самом деле может обернуться большой бедой.

Он отвел их в небольшую каморку в стороне от главного входа.

– Я приду за вами, когда настанет время, – сказал Гектор, затворяя дверь. – Закройте задвижку.

– Ты волнуешься? – спросила Флора дочь. Она выдернула розу из свадебного букета и принялась обрывать лепестки.

Мэг сжала колени, чтобы подавить дрожь.

– Ничуть.

– Меня дважды стошнило, прежде чем я отважилась пройти к алтарю в день своей свадьбы, хотя хорошо знала твоего отца. А ты собираешься обвенчаться с совершенно незнакомым мужчиной... – Лицо Флоры сморщилось. Мэг обняла мать, чтобы та не разразилась слезами.

– Ты испортишь шелк, мама, – ласково сказала она и оглядела крошечное помещение.

Каморка была заполнена молитвенниками и сборниками церковных гимнов, уложенных шаткими стопками. Витраж в маленьком круглом окошке, расположенном высоко, изображал святого Георгия, устремившего глаза к небесам. Он выглядел вполне довольным тем, что там видел. Но Мэг, проследив за его взглядом, обнаружила только паутину на каменном своде.

– Мама, что ты имела в виду, говоря о его мастерстве как любовника? – спросила она. – Я не помню, чтобы об этом писали в бульварных листках.

– Это размер его... – Флора снова ударилась в слезы.

– Значит, он высокий, – задумчиво произнесла Мэг. – Я высокая женщина, и мне бы хотелось, чтобы он был хотя бы одного роста со мной.

Флора подняла на нее покрасневшие глаза.

– Высокий? А при чем его рост?..

Суэта и шум перед входом нарушили тишину за стенами их укрытия. Заржал конь, и копыта зацокали по камен-

ным ступеням. Створки двери главного входа в храм с шумом распахнулись и с ужасающим грохотом ударились о стены. Флора отскочила назад и схватила дочь за руку.

— Где моя невеста? Поспешим, пора приступать к венчанию! — раздался звучный мужской голос.

Маргарита в смятении закрыла глаза. Страх неистово забился внутри, тяжелым камнем давя на сердце.

— Насколько я понимаю, он наконец прибыл. — Флора сжала плечи дочери. — Еще не поздно. Мы можем потихоньку выскользнуть за дверь. Никто и не заметит, если мы поторопимся.

На мгновение эта мысль показалась Мэг соблазнительной. Теперь слышались громкие голоса других мужчин. Конь ржал, видимо, выражая протест. Кто-то смеялся. Должно быть, ее жених — в соответствии со своей дьявольской репутацией.

Маргарита посмотрела на дверную задвижку, затем взглянула на святого Георгия. Он как будто подбивал ее бежать, но она строго поджала губы: ведь она не сбежала, даже когда отец продал ее любимых лошадей, не поставив дочь в известность. Не сбежала, когда отец умер, а мать впала в депрессию от горя. Мэг продолжала жить и делала все, чтобы поддержать свою семью.

— Заметим мы — ты, я, Лили и Миньонетта, — когда нам придется покинуть Уиклифф, — ответила она матери.

Раздался тяжелый удар в дверь. Мэг отодвинула задвижку

и слегка приоткрыла створку, но увидела лишь полные панического ужаса глаза коня, которого несколько слуг пытались стянуть вниз по ступенькам храма. Всадника с ее места видно не было. Сердце Мэг глухо забилося, живот свело спазмом. Она прекрасно понимала, как чувствует себя несчастное животное. У нее было не больше прав находиться здесь, чем у этого коня.

– Я с честью выдержу это венчание, – сообщила она коню и своей матери.

Появился запыхавшийся разгневанный Гектор.

– Что там чудит этот Темберлей? – воскликнула Флора. – Он что, собирается везти жену домой, перекинув через седло?

Гектор раздраженно оправил сюртук.

– Если ты хочешь пересмотреть свое решение, Мэг, я с радостью готов пойти и объяснить с герцогиней.

Сердце Маргариты едва не выскакивало из груди.

– Неужели он и впрямь такой порочный? – хрипло прошептала она. Затем подняла руку и заявила: – Нет! Я не уйду. Он ведет свою игру, я – свою. Мои ставки выше.

Она гордо выпрямилась, чувствуя себя скорее солдатом, отправляющимся на битву, чем невестой. Гектор сжал ее руку, и Мэг прочла восхищение в его глазах. Или неуверенность?.. Это заставило ее задрожать.

– Я провожу твою мать на ее место и тут же вернусь за тобой, – сказал дядя.

Оставшись одна, Маргарита прикусила губу. Дрожащими пальцами опустила вуаль и взяла в руки букет. Густой аромат роз заполнил маленькую каморку, как призрак ее сестры, напоминая, что не Мэг – настоящая невеста. И все же!

Мэг сжала в руках букет – шип вонзился ей в палец. Она почувствовала укол и увидела, как кроваво-красный цветок распускается на снежной белизне ее шелковой перчатки. Девушка попыталась умерить бешеное биение сердца. Возвратился Гектор. Настало время ему отвести крестницу в холодный полумрак церкви.

– Ты восхитительно выглядишь, Мэг. Твой отец гордился бы тобой...

Маргарита перестала слышать тихие слова ободрения. Она во все глаза смотрела на Дьявола, Николаса Хартли, герцога Темберлея.

Он в самом деле оказался высоким, широкоплечим и стройным. У него были темные, почти черные волосы, слегка завивающиеся над воротником. Цвет глаз невозможно было разглядеть, но она предположила, что они зеленые, какого-нибудь экзотического оттенка. Одет он был в странный изумрудно-зеленый сюртук и цыганский полосатый жилет. На нем были черные бриджи и начищенные до блеска черные ботфорты. Почему ее жених выбрал столь нелепый наряд?

Глаза Маргариты поднялись к его лицу. Даже издали было заметно, что он охвачен гневом: губы плотно сжаты, выражение лица грозное. Холодность его ледяющего взгляда

до дрожи напугала Мэг.

Гектор осторожно подтолкнул ее. Только тут она заметила, что стоит посреди прохода, как безмозглая дурочка. Собрав в кулак всю свою волю, Мэг заставила себя пройти последнюю дюжину шагов и оказалась рядом с женихом.

Гектор сухо поклонился и предложил руку невесты Николасу. Тот выжидал оскорбительно долго, прежде чем принять ее. Но когда их ладони соприкоснулись, Маргарита почувствовала, как кровь бросилась ей в лицо. Она посмотрела на его руку, крепкую и загорелую, темневшую рядом с ее белоснежной перчаткой. Тонкий белесый шрам тянулся от большого пальца, скрываясь под манжетой. Как и когда он получил этот шрам? В схватке с врагом? В любовных утехах? Или упал с лошади, накачавшись алкоголем?

Жених держал ее руку крепко, но абсолютно равнодушно, пока вел к алтарю.

Мэг смотрела прямо перед собой, пытаясь унять нервную дрожь, распространявшуюся по ее руке от его прикосновения. Наконец сосредоточила взгляд на кольце неопрятных седых волос священнослужителя. Пастор приступил к обряду, произнося положенные слова нараспев, звучным раскатистым басом. И слова его эхом разносились по церкви. Мэг смотрела на святых и ждала, затаив дыхание, что они спустятся с небес и разоблачат ее как мошенницу. Но святые и сам Господь хранили молчание.

Маргарита повторила за пастором свои обеты, всей душой

осуждая себя за обман, и только раз слегка запнулась, когда прошептала собственное имя вместо имени своей сестры. Она искоса глянула на незнакомца, стоявшего рядом, но он со скучающим видом смотрел вперед.

В досаде Мэг попыталась выдернуть свою ладонь из его руки – Николас только крепче сжал ее пальцы, удерживая руку железной хваткой, и даже не шевельнулся, не взглянул на нее.

Темберлей произнес свои клятвы низким рокочущим голосом, больно бившим по ее нервам. Он подтвердил, что берет в жены некую Дейзи. На этот раз, когда она взглянула на него, он имел наглость улыбнуться захватывающей дух дьявольской, умопомрачительной улыбкой. Мэг судорожно вздохнула: да, это был Дьявол из бульварных газет, повеса, пылкий любовник, распутник, а с финальным «клянусь» – ее муж.

Тепло горячим потоком распространялось от их сомкнутых ладоней и жгучим огнем растекалось по ее телу. Слишком поздно было жалеть о случившемся. Маргарита пошатнулась. Николас снова крепко сжал ее руку, словно приказывая не терять самообладания. Мэг ни разу в жизни не падала в обморок. И хотя сейчас был самый подходящий момент, чтобы лишиться чувств, она гордо выпрямилась.

Николас почувствовал, что новобрачная пошатнулась, и не позволил ей упасть. Обморок – глупая женская уловка,

которую он терпеть не мог. Ее пальцы в его ладони были ледяными, лихорадочно бился пульс. Девушка сильно нервничала, возможно, даже боялась его.

Прекрасно.

Он нахмурился, всматриваясь в ее густую вуаль, испытывая одновременно жалость и смятение. Должно быть, она просто уродина.

Когда невеста шла к нему по проходу, он не видел ее лица, только рот. У нее были полные губы, нежно-розовые, влажные, чуть приоткрытые. Николас с интересом наблюдал, как она прикусила ровными белыми зубами сочную нижнюю губу, когда увидела его. Он окинул взглядом ее всю, с головы до ног. Бледно-розовое платье было почти того же оттенка, что и ее кожа, так что на расстоянии казалось, будто на ней вообще ничего нет. Девушка была высокой, но фигуру ее невозможно было разглядеть за пышным букетом роз.

Внезапно Николас почувствовал огромное разочарование и гнев – на нее, на бабушку, на самого себя. Зачем он согласился на этот фарс?!

Он нахмурился – она тут же остановилась.

Граф Брайант увлек ее вперед. Ее прелестный рот решительно сжался в жесткую линию, и она преодолела последние несколько футов, разделявшие их. Жилка лихорадочно билась у нее на шее, розы тревожно трепетали у груди. При других обстоятельствах он бы постарался ее утешить...

Но эта женщина решила выйти за незнакомца, и ей за

это хорошо заплатили. Зачем ей его сочувствие?

Она оглянулась на графа Брайанта, вкладывая свою ладонь в ладонь жениха. И Николас отметил ее тонкую талию, хрупкость сложения. Он крепче сжал руку своей невесты, и она подняла на него глаза. По крайней мере, он так подумал. Нельзя было с уверенностью утверждать это, поскольку плотные кружева вуали почти полностью скрывали ее лицо.

Незнакомка заняла место рядом с ним и гордо выпрямилась, расправила плечи, черпая утешение в собственной храбрости, поскольку он не предложил ей поддержки. В душе его шевельнулось восхищение, но он сразу же подавил это чувство.

Николас ощущал тонкий запах ее духов, не заглушенный ароматом роз, нежный и соблазнительный, чуть пряный, определенно интригующий. Он отвернулся. Мелькнула мысль: что если сейчас выскочить из церкви, оставив эту неведомую невесту здесь?..

Он не услышал слов ее клятв – она что-то шептала, задышавшись.

Когда пришло время поднять вуаль и поцеловать невесту, Николас затаил дыхание, набираясь храбрости, чтобы не вздрогнуть, как бы она ни выглядела. Не ради нее, а чтобы не доставить удовольствия бабушке. Он все это время чувствовал на себе неодобрительный взгляд старой герцогини, как лезвие кинжала у горла.

Набравшись мужества, Николас поднял вуаль. Новобрач-

ная оказалась вовсе не уродиной. Напротив, она была прекрасна.

Он заглянул в широко раскрытые глаза, сверкающие калейдоскопом – золотой, коричневый, зеленый, – окаймленные бахромой длинных каштановых ресниц. У нее были тонкие черты лица, изящный нос с бледной россыпью веснушек. Много бывает на воздухе и не всегда надевает шляпку или пользуется зонтиком, решил Николас.

Под его изучающим взглядом девушка покраснела. Он попытался припомнить, когда последний раз видел стыдливый девичий румянец. Ее губы были слегка приоткрыты. Может, от страха перед ним, а может, в предвкушении поцелуя, призванного завершить их брачные обеты.

Ник наклонил голову, намереваясь завладеть этими неожиданно восхитительными губами, но девушка вся напряглась от страха, и поцелуй, к его разочарованию, получился холодным и безразличным. Поцелуй девственницы. Ник нахмурился, когда она отпрянула и снова опустила на лицо вуаль. Разочарование в его душе боролось с гневом, и он резко отвернулся, уставившись на священника.

Маргарита почти не слышала последних слов, которые произнес над ними священник. Когда Темберлей вел ее по проходу, крепко сжав запястье, ее колотила дрожь. Ей приходилось торопиться, чтобы поспевать за широко шагавшим Николасом. В этот момент она думала о его глазах. Они не

были зелеными. Они были серыми, холодными и грозными, как зимнее море. Что она успела заметить в глубине его глаз? Смирение, покорность, удивление, любопытство и что-то еще, чему Мэг не знала названия, но что заставило ее с необычайной остротой ощутить, что она впервые оказалась всего в нескольких дюймах от горячего, сильного мужского тела.

Когда Темберлей наклонился, чтобы поцеловать ее, Маргарита почувствовала легкое дуновение его дыхания на своих губах. Ощутила пряный аромат его мыла, резкий запах выделанной кожи. Внезапно ее охватил такой страх, какого она не испытывала никогда в жизни. Она закрыла глаза и зажмурилась. Он отстранился и помрачнел. Мэг успела прочесть смущение и гнев в его глазах. Кровь бросилась ей в лицо, и она поспешно опустила вуаль, чтобы скрыть свое смещение.

Не произнеся ни слова, он сжал ее запястье и широким шагом направился к выходу, буквально волоча за собой.

Мать плакала, когда они проходили мимо, и звук ее горестных рыданий эхом отдавался под куполом храма. Гектор мрачно хмурился.

Герцогиня, чопорно поджав губы, молча стояла у семейной скамьи. Она, конечно, знала, что ее внук женился не на той женщине, но виду не подала.

Осознание свершившегося потрясло Мэг, когда начали звонить колокола. Мужчина, который буквально тащил ее из

церкви, был теперь ее мужем. К счастью или к несчастью – скорее последнее, – они были женаты.

Дьявол Темберлей больше не казался ей таким уж занятым.

Когда они выходили из церкви, Мэг метнула взгляд на святого Георгия и прошептала молитву. Но святой убил своего дракона, а она осталась со своим.

Глава 10

Темберлей поволок Маргариту вниз по ступенькам, крепко, словно в железных тисках, сжимая ее запястье. Она вздрогнула, когда горсти пшеничных зерен обрушились на нее, словно град. Мэг попыталась высвободить руку, чтобы замедлить шаг, но он продолжал быстро идти вперед, игнорируя ее сопротивление.

Подойдя к ближайшему экипажу, он отворил дверцу.

– Хартли-плейс, Роджерс, – распорядился Николас, запихнув Мэг в карету.

Она чопорно уселась на плюшевое сиденье, он расположился напротив. Маргарита внимательно рассматривала своего новоиспеченного мужа сквозь вуаль, пока карета, кренясь и покачиваясь, мчалась по дороге. На фоне темно-зеленых бархатных подушек его свадебный сюртук выглядел еще более кричащим. Мэг с трудом сдержала приступ истерического смеха, хотя, кроме вызывающего наряда, в этом мужчине не было абсолютно ничего забавного.

Карикутуры были к нему не справедливы. На самом деле герцог оказался гораздо красивее, намного крупнее и значительно опаснее, чем она представляла. Он совсем не походил на того дурашливого распутного бездельника, которого изображали в бульварных листках.

– Можете теперь снять вуаль, Дейзи, – сказал он, и она

застыла, задетая его наглостью. Как он смеет называть ее чужим именем?! Даже имя «Роза» было бы намного лучше.

– Дейзи, может, и сняла бы свою вуаль, но я не собираюсь этого делать, – заявила Маргарита и прикусила губу. Она повела себя как малолетняя чопорная дурочка.

Темберлей лениво улыбнулся, отчего ее внутренности превратились в желе. Так мужчины всегда улыбались Розе, но никогда Маргарите. Он выдернул цветок из ее букета и элегантно жестом поднес к носу.

– А если я назову вас Розой и хорошенько попрошу, вы снимете свою занавеску?

Нет, Мэг совсем не хотелось, чтобы ее называли именем сестры. По крайней мере, не этот мужчина.

– Я не сниму вуаль, – упрямо сказала она.

– Неужели я не заслужил права смотреть на вас? Я женился на вас, и вам довольно хорошо заплатили за честь стать герцогиней Темберлей, – холодно произнес он.

– Недостаточно хорошо, чтобы терпеть оскорбления! Вы пьяны? – Мэг читала, что Николас Хартли выпивает четыре бутылки вина за завтраком, переключается на виски, джин и портер за обедом и наслаждается шампанским по вечерам.

Он удивленно вскинул брови.

– В данный момент нет. Но я намерен исправить это упущение, как только попаду домой. Только я еще не решил: когда утешить себя выпивкой – до или после того, как уложу вас в постель...

У Маргариты все внутри перевернулось. Что-то в его глазах подсказало ей, что это и вправду будет сильно отличаться от случки лошадей или случайных поцелуев, о которых рассказывала Роза. Однако нельзя допустить, чтобы он догадался, насколько она несведуща. Мэг вздернула подбородок и дерзко сказала:

– Давайте сначала займемся этим. Я слышала, выпивка снижает мужскую силу. – Она не помнила, откуда почерпнула эту пикантную подробность.

Николас расхохотался. Вряд ли такой ответ он предполагал услышать.

– Для меня это никогда не составляло проблемы, – лениво произнес он, растягивая слова.

Девочка оказалась смышленной, хотя и злой на язычок. Он с интересом наблюдал за ее потрясающими губами. Они слегка дрожали, словно она раздумывала: не позволила ли себе зайти слишком далеко? Даже при том, что лицо ее было закрыто, по губам ему удалось прочесть неодобрение, страх, гордость и решимость своей новобрачной. Это было захватывающе. А каково будет, если он поцелует ее по-настоящему?

Так ли она в самом деле чиста и неопытна, как утверждают?

– Вас когда-то разочаровал подвыпивший любовник?

Ее губы раскрылись в изумлении оскорбленной невинности. Покраснела ли она под вуалью или готова удариться в

слезы? К его удивлению, она рассмеялась и тут же зажала ладонью рот.

Ник нахмурился. Он намеревался смутить девушку, а не развеселить. Взяв ее за руку, он стянул с нее перчатку и выбросил в окно, повинувшись секундному порыву. Ее улыбка померкла, а губы задрожали, стоило ему прикоснуться к ней.

Николас рассматривал ее руку. Ее длинные изящные пальцы были холодны и сильно напряжены. Кожа покрыта загаром. Ощувив под пальцами шероховатость, он повернул руку жены ладонью вверх – кожа покраснела, покрыта мозолями, как будто ей всю жизнь приходилось мыть полы. Еще одна странность. У настоящей леди не бывает грубой кожи или веснушек.

Итак, установлено: у нее красивые глаза, натруженные руки, восхитительный рот и острый язычок, а больше он ничего о ней не знал.

Новобрачная сжала руку и попыталась вырваться, но Ник снова разжал ее, поднес к губам и поцеловал ладонь и кончики пальцев. Он почувствовал, как по ее телу пробежала дрожь. Услышал, как у нее перехватило дыхание. Увидел, как она прикусила нижнюю губу.

Заинтригованный, Темберлей прижался губами к ее запястью, где лихорадочно бился пульс. Когда ладонь его коснулась гладкой кожи у локтя, она ахнула и отшатнулась, спрятав руку в складках юбки на коленях. Грудь ее высоко вздымалась, губы приоткрылись от удивления.

Николас слегка передвинулся на сиденье. Эротическое поддразнивание встревожило девушку, но неожиданно воздействовало и на него. Возможно, дело тут было в том, что лицо ее оставалось полностью скрытым. Или в том, что она была незнакомкой и девственницей. Хотя прежде он никогда не испытывал влечения к девственницам.

Темберлей откинулся на спинку сиденья и скрестил ноги, чтобы скрыть возбуждение, напоминая себе, что первая брачная ночь – это его долг, а не удовольствие. Как бы соблазнительно ни было сейчас с ней играть, она могла разочаровать его в постели. Ник стал смотреть в окно, стараясь не обращать на жену внимания. Но запах ее духов будил его любопытство, а ее дыхание и шелест шелкового платья заставляли чересчур остро ощущать ее присутствие.

Ладонь Мэг горела. Сказать по правде, все ее тело было охвачено жаром. Он всего лишь взял ее за руку, а она ощущала его прикосновение повсюду. Выражение его глаз заставляло ее чувствовать себя обнаженной. Тело ее под одеждой трепетало и пульсировало. Она не могла справиться с собой, охваченная незнакомыми эмоциями. А ведь он всего-то поцеловал ей пальцы.

Маргарита судорожно вздохнула и посмотрела на мужа, защищенная своей вуалью, и попыталась представить себе, что за этим последует. Но он просто смотрел в окно с выражением пресыщенного, уставшего от жизни мужчины. Как

будто вообще забыл о ней. Руки Темберлея спокойно лежали на коленях.

Мэг представила себе, как эти длинные пальцы ласкают ее кожу, как тело его тесно прижимается к ней. Его ладони, его бедра... Она закрыла глаза, и с ее губ сорвался стон. Он мгновенно взглянул на нее, удивленно вскинув брови.

– Простите?..

– Пустяки, – пробормотала Маргарита и теснее прижала розы к груди, внезапно охваченная жгучим желанием оказаться как можно дальше от этого мужчины.

Завтра все уже будет позади – венчание, брачная ночь... Все, кроме сплетен. Наверняка его – их – поспешная женитьба породит массу слухов и будет широко обсуждаться в великосветских салонах, как только эта новость попадет на страницы «Морнинг пост». Она закрыла глаза, представив себе, какой страшный шум поднимут бульварные газетенки, если – когда – ее обман откроется. Тревога вновь пробудилась в груди.

Карета остановилась у портика Хартли-плейс. Мэг увидела внушительный городской особняк. Над парадной дверью красовался высеченный в камне герб рода Темберлей – рычащий волк, застывший над телом убитой лани. Девушка содрогнулась от ужаса. Хватит ли ей смелости выдержать все до конца?

И все же нечестно было обманывать герцога, даже ради благородной цели. Наверняка Темберлей съест ее живьем,

когда обнаружит, что его обманом женили на невзрачной Маргарите Линтон, вместо красавицы Розы. Мэг охватило чувство вины. Бедняга герцог хотел получить лебедя, а ему всучили гадкого утенка. Некрасивую дочь лорда Уиклиффа, о которой сам отец говорил: вряд ли кто-то пожелает взять ее в жены.

Когда обман откроется, старая герцогиня, вне всякого сомнения, с радостью поможет внуку стереть Мэг в порошок. Им придется добавить нож и вилку к своему гербу, чтобы предостеречь будущих герцогов Темберлей от нахальных девственников.

Парадная дверь отворилась, и две шеренги лакеев в безукоризненных ливреях строевым шагом вышли из дома и выстроились по обе стороны от экипажа до входа. Николас грациозно выскочил из кареты и, к ужасу Мэг, избежал по ступенькам, не предложив ей руки и даже не взглянув на нее.

Всякое сочувствие к нему моментально исчезло, а чувство вины обернулось раздражением. Маргарита покраснела под любопытными взглядами слуг. Глядя на широкую спину Николаса, она ожидала, что вот сейчас кто-нибудь ткнет в нее пальцем и засмеется. И отошлет карету назад вместе с ней.

Вместо этого перед ней появилась затянутая в перчатку рука. Девушка оперлась на нее и выбралась из кареты. Решение было принято, обеты произнесены, и не было дороги назад. Она должна начинать новую жизнь.

Маргарита изобразила на лице любезную улыбку и кив-

ком приветствовала каждого из лакеев, словно находилась здесь по праву. На радость или на горе, но с этой минуты она стала герцогиней Темберлей.

Глава 11

Николас прошел через парадную дверь не останавливаясь. Маргарита последовала за ним в роскошный, будто высеченный из огромного куска мрамора центральный холл. Парадная лестница устремлялась к небесам. Мэг с изумлением осматривалась, восхищенная окружающей роскошью.

Шляпа Темберлея лежала на столике красного дерева, слышны были только его шаги, доносившиеся из коридора, уходящего вглубь от центрального холла. Парадная дверь закрылась за Маргаритой, и лакеи словно исчезли, слившись со стенами. Когда шум шагов полностью затих, девушка прижала букет к груди, не зная, что ей теперь делать.

– Добрый день, ваша светлость. Я Гардинер, дворецкий. – Мэг не слышала, как он подошел, и на мгновение ей показалось, что он появился прямо из мрамора. – Добро пожаловать в Хартли-плейс. Не изволите ли пройти сюда? – Дворецкий указал на один из коридоров затянутой в перчатку рукой.

В отличие от своего хозяина, Гардинер передвигался по мраморному полу совершенно бесшумно. Он отворил одну дверь, другую и провел Маргариту в гостиную.

Герцог с бокалом золотистой жидкости в руках сидел, развалившись в кресле, положив ноги в сапогах на изящный чайный столик. Он залпом осушил бокал и протянул его Гар-

динеру. Дворецкий молча его наполнил.

Николас не предложил жене сесть, поэтому она села сама, выбрав кушетку как можно дальше от него.

– Не хотите ли чая, ваша светлость? – спросил Гардинер, и Мэг посмотрела на мужа.

Он насмешливо склонил голову набок.

– Гардинер имеет в виду вас, герцогиня. Я лично никогда его не пью.

Маргарите хотелось провалиться сквозь землю. Она ухитрилась улыбнуться терпеливо ожидавшему дворецкому.

– Благодарю вас. Я с удовольствием выпью чая.

Тот поклонился и выскользнул за дверь, плотно прикрыв ее за собой.

Оставшись наедине с Темберлеем, чье присутствие лишило ее покоя, Мэг прислушалась к тиканью часов. Было всего лишь около полудня. Они поженились менее часа назад.

– Вам не жарко под этой вуалью? – спросил герцог, и она от неожиданности чуть не подпрыгнула.

Ей действительно было жарко. И потом, нельзя же вечно прятать лицо. Мэг отложила букет в сторону и подняла вуаль, откинув ее назад со лба.

Темберлей разглядывал ее с ленивым интересом, не выказывая ни одобрения, ни разочарования. Она смело выдержала его взгляд, хотя ее и бросило в жар. Но все же первая отвела глаза и принялась рассматривать пейзаж над камином, словно это была самая восхитительная из когда-либо виден-

ных ею картин.

Нет, он не ошибся там, в церкви. Она действительно была прекрасна. При мысли о том, что всего через несколько часов он овладеет ею в постели, его захлестнул неожиданный приступ похоти.

– Вы совсем не такая, как я ожидал, – сказал Темберлей. – Сколько вам лет?

– Двадцать, – ответила Маргарита, вновь устремив на него глаза – выразительные, умные, прекрасные глаза. – А вам?

– По годам – тридцать один, а по опыту – гораздо больше, – насмешливо произнес Николас и был вознагражден очаровательным стыдливым румянцем.

Похоже, она не знала, что ему ответить, и они вновь погрузились в молчание.

Он наблюдал, как ее глаза блуждают по комнате, разглядывая мебель, картины, драпировку – все, кроме него.

– Нет, вы совсем не такая, как я ожидал, – повторил герцог, заставив Мэг посмотреть на него.

Она высоко приподняла брови.

– А чего вы ожидали, ваша светлость?

– Женщину невзрачной внешности, недалекую, с широкими бедрами.

Она скривила губы и снова опустила глаза. О чем она думала?

– Роза, – произнес он, словно пробуя имя на вкус.

Она не ответила.

– Роза, – громче повторил он, и она испуганно подняла глаза, широко раскрытые от удивления. – Вы и вправду так невинны, как я слышал?

Она сжала губы и гордо вскинула голову.

– А вы действительно так греховны, как о вас говорят?

Ее дерзкий ответ вызвал у Николаса улыбку.

– Возможно, даже гораздо больше, потому что основная часть моих грехов совершается за закрытыми дверями.

Маргарита снова покраснела, и его улыбка стала шире. Не такая уж она смелая на самом деле.

– Да, вы определенно невинны. Слишком невинны, на мой вкус. – Он отхлебнул виски, чтобы отвлечься, но желание коснуться ее, проверить, так ли горяча ее щека, не проходило.

– Разве мужчины не ожидают, что леди, на которых они женятся, будут невинны? Даже женщины, с которыми вы теперь делите постель, когда-то были невинны.

Тушэ – положила на обе лопатки!

– Верно подмечено, герцогиня. Но я не похож на большинство мужчин. Вы когда-нибудь целовались... ну хотя бы с мальчиком?

Стараясь сохранять невозмутимое выражение, Мэг взглянула ему в глаза.

– Я целовалась с вами, – язвительно сказала она – и он рассмеялся.

Встав с кресла, Темберлей пересек комнату и уселся рядом с Маргаритой. Она посмотрела на него, как лань на настигшего ее голодного волка, но не утратила решимости.

– Нет, герцогиня. Тот жалкий клевок в церкви нельзя называть поцелуем. Придется показать вам кое-что получше.

Он скользнул костяшками пальцев по ее щеке легким дразнящим движением. Ее кожа и вправду оказалась горячей, мягкой и шелковистой. Девушка опустила глаза, губы ее приоткрылись. Она не отшатнулась, хотя он почувствовал, как сильно она дрожит.

Николас неспешно завладел ее ртом и услышал вырвавшийся из ее горла слабый звук – выражение то ли страха, то ли желания. И она положила ладони ему на грудь.

Этот слабый звук нанес ему ощутимый удар прямо в пах. Она не оттолкнула его, и он осторожно потерся губами о ее губы, замерев в ожидании над ее ртом, пока она не закрыла глаза, слегка приоткрыв губы и вцепившись в рубашку на его груди.

Герцог снова поцеловал жену, на этот раз крепче, настойчивее. От нее веяло ароматом роз – возможно, это был запах ее букета, – и медом, и невинностью. Он втянул ее нижнюю губу в рот. Маргарита не шевелилась, позволяя ему это. Его губы скользнули по ее щеке, затем по подбородку к пульсирующей жилке у основания шеи, прокладывая себе путь поцелуями. Ее сердце бешено колотилось. Когда он вновь отыскал ее губы, она вздохнула и поцеловала его в ответ – неуве-

ренно, неумело. И он вдруг осознал, что невинность все же необычайно притягивает его.

Ник отстранился в удивлении и прочел такое же изумление в ее затуманенных глазах. Он поднялся и возвратился на свое прежнее место, а Мэг поднесла дрожащие пальцы к губам.

Не без труда заставив себя принять скучающий вид, Темблерей закинул ногу за ногу и отхлебнул глоток виски, пытаясь удалить ее вкус со своих губ и подавить нестерпимое желание овладеть ею прямо здесь, в гостиной. Что бы сказала на это его высокомерная бабушка, возвратившись домой, чтобы поздравить счастливую пару? Она бы насмешливо хмыкнула, торжествуя победу и поощряя его продолжать. Потому что единственное, что имело для нее значение, – это обретение наследника.

– Вам понравилось? – спросил Николас.

Мэг облизала губы, все еще хранившие вкус виски. Да, ей очень понравилось. Но она не осмелилась ответить. Просьба о продолжении повисла на кончике ее языка.

– Вы дрожите, – продолжал он. – Должен признать, даже я нахожу это интригующим. Не знал, что женщина двадцати лет может быть до такой степени несведущей. Мне придется обучать вас, чтобы получить жену в соответствии с моими желаниями.

Возмущение жаркой волной захлестнуло Мэг. Она гордо выпрямилась и опалила его яростным взглядом.

– У меня нет ни малейшего желания меняться, ваша светлость. Это всего лишь долг.

Его глаза посуровели. Ведь она избранница бабушки. Деньги! – напомнил он себе. Он по-прежнему остро нуждался в бабушкиных деньгах, чтобы поднять поместье. До поры до времени он вынужден будет играть по ее правилам.

– Значит, мы понимаем друг друга. Как только этот показной брак будет консуммирован, каким бы неприятным это ни оказалось для нас обоих, вы немедленно отправитесь жить в замок Темберлей.

– Я намерена как можно скорее вернуться в Уиклифф-Парк.

Герцог поднялся, и Мэг в страхе наблюдала, как он с ледяным взглядом направился в ее сторону. Сердце ее тревожно замерло, но он не коснулся ее. Просто склонился над камином.

– Я не привык к тому, чтобы мои приказы не исполнялись. Когда служил в армии, я имею в виду.

Мэг тоже встала.

– Здесь не армия.

Он оглядел ее с ног до головы, и она почувствовала его взгляд как прикосновение.

– Боже, вас следовало послать в Испанию против французов. Наполеон с воплями бежал бы и спрятался под кроватью, не беспокоя Европу. Ваши сестры похожи на вас? Полагаю, мне следует радоваться, что вы хотите удалиться в

деревню. Представляю, что было бы, пожелай вы остаться в столице. Вы произвели бы настоящий фурор в свете.

Маргарита широко раскрыла глаза. Подобные вещи вполне мог бы сказать ей ее отец.

– Как вы смеете?.. – начала она, но тут дверь распахнулась.

– Графиня Уиклифф и лорд Брайант, – возвестил дворецкий.

Флора уже бежала к дочери.

Николас наблюдал, как мать жены заливается слезами, более уместными на поминках, чем на свадьбе. Сама новобрачная оставалась спокойной и решительной.

Лорд Брайант сдержанно поклонился. Настороженно глядя на Николаса, он произнес дежурные поздравления и пожал ему руку. Темберлей ответил холодным кивком.

Никто, казалось, не испытывал радости по поводу торжественного события. За исключением, наверное, старой герцогини. Но она еще не пришла, чтобы насладиться своей победой.

– Где бабушка? – спросил Ник дворецкого.

– Она поднялась наверх отдохнуть, ваша светлость. У нее разболелась голова.

Николас нахмурился. Бабушка отличалась крепким здоровьем, как армейский тяжеловоз. Она не страдала головными болями. Вероятно, у нее даже припасена была коса, чтобы вступить в жестокую схватку со Смертью, когда та явит-

ся за ней. Он ощутил шевельнувшееся внутри подозрение и отпустил Гардинера.

– Венчание было... – Флора замялась, подыскивая подходящее слово. – Слишком коротким. – Она смотрела на Ника так, словно он был тигром-людоедом, которого давно не кормили.

– К счастью, графиня, – заявил он и чарующе улыбнулся, когда Флора возмущенно ахнула.

– Мама, присядь, пожалуйста, – вмешалась Маргарита. – Гардинер сейчас подаст чай.

Но Флора пылала негодованием.

– Ваша дерзость, ваша светлость, совершенно...

Но дочь предупредительно коснулась ее руки.

Ник уже собирался просить графиню продолжить, когда дверь снова открылась.

– Мои извинения, я слегка опоздал, – заявил Себастьян, дурашливо улыбаясь. Он взглянул на новобрачную и направился к ней. Манерно поклонившись, он поцеловал ей руку с чрезмерным усердием. – Мои поздравления, ваша светлость. Желаю вам удачи и везения с Николасом.

Мэг вопросительно посмотрела на мужа.

– Позвольте представить вам виконта Сент-Джеймса, – коротко сказал он. – Садись, Себастьян. – Ему не понравился блеск в глазах Себа.

Маргарита удивленно подняла брови.

– Вы говорите так, будто мне следует ожидать неприятно-

стей с моим мужем, виконт Сент-Джеймс.

Себастьян снова улыбнулся и по-детски захихикал.

– Неприятностей с Ником? Вовсе нет. В хороших руках он вполне покладист.

Флора ахнула, а на лице новобрачной мгновенно отразилась неприязнь к виконту.

– Сент-Джеймс, ты пьян? – резко спросил Темберлей.

– Заскочил в клуб по пути сюда, чтобы сообщить всем радостную новость о твоём бракосочетании. – Себастьян снова обернулся к Маргарите. – Как я понимаю, у вас дома остались сестры. Все ли они так же прекрасны, как вы? Можно мне называть вас Розой? Обращение «ваша светлость» заставляет меня вспоминать о Николасе, а я предпочитаю думать только о вас, – промурлыкал он.

Графиня возмущенно сжала кулаки.

Новоиспеченная герцогиня взяла руку матери и накрыла ее своей ладонью.

– Нет, нельзя, – сказала Мэг.

Улыбка Себастьяна угасла. Он недоуменно заморгал, словно сова, при этом неожиданном отказе.

Николас увидел, как Гектор потер подбородок, пытаясь скрыть улыбку, и сам почувствовал невольное восхищение. Бедняга Себастьян. Он здорово ошибся, посчитав Розу Линтон безмозглой деревенской простушкой. Он и сам так думал, но она с успехом выдержала это первое испытание и выглядела настоящей герцогиней.

Гардинер возвратился с чаем. Мэг кивком разрешила ему разливать.

– Выпьете чаю, ваша светлость? – спросила она мужа.

– Нет, благодарю вас. У меня дела сегодня днем, и мне уже нужно идти.

– Дела? Сегодня? – ахнула графиня. – А свадебный завтрак? Нет даже шампанского, чтобы поздравить... счастливую... пару... Это неслыханно!

Щеки его новобрачной окрасились румянцем, и она опустила глаза. Но ничего не сказала.

– Долг прежде всего, – сказал Ник. – Хотя я уверен, что Гардинер будет рад принести вам шампанского, как вы того желаете.

Молодая герцогиня Темберлей подняла на него взгляд. Ее ореховые глаза были полны достоинства.

– Думаю, это лишнее. У меня и в мыслях нет задерживать вас, ваша светлость. Доброго вам дня.

Николас почувствовал, как жар бросился ему в лицо при этой дерзкой отповеди.

Она повернулась к нему спиной и завела пустой разговор с матерью, будто уже забыла о нем. Глаза ее матери стали круглыми, словно блюдца. А Гектор и Себастьян попеременно переводили взгляд с ее светлости на его светлость, ожидая реакции Темберлея.

Ник обхватил ладонями талию жены и с легкостью поднял ее, повернув лицом к себе. Удивленный возглас замер у нее

на губах, когда он властно завладел ее ртом. Этот поцелуй не был похож на первый, медленный и дразнящий, которым он одарил ее на кушетке. Этот поцелуй был яростным, захватывающим – стремительным нападением, к которому она не была готова. Мэг уперлась кулаками мужу в грудь, пытаясь оттолкнуть.

Николас слышал неодобрительные сетования ее матери и удивленный возглас Гектора. Язык его проскользнул к Маргарите в рот, когда она открыла его, чтобы протестовать, и сплелся с ее языком. Подобная близость ошеломляла, была невероятно приятной, восхитительной. Она перестала сопротивляться, подчинилась его умелым губам. Колени у нее подогнулись, и она повисла на нем, обвив шею руками. И он теснее притянул ее к себе, прижимаясь всем телом.

– Ради всего святого! – воскликнула Флора.

Маргарита отпрянула, внезапно вспомнив, где находится. Ореховый цвет вытеснила чернота ее огромных зрачков. Пару секунд она просто смотрела на мужа, а затем прикрыла рот тыльной стороной ладони.

Николас вновь склонился к жене и услышал, как она в ожидании втянула воздух. Ему очень хотелось снова припасть к ее губам, но вместо этого он прижался губами к ее уху и поцеловал мочку.

– Как следует отдохните сегодня днем, – прошептал он. – Ночью вам понадобятся все ваши силы. – Ник отступил назад, и ей пришлось ухватиться за спинку кушетки, чтобы

удержаться на ногах.

Он одарил ее лукавой усмешкой, которую даже самый недогадливый расценил бы как демонстрацию мужского превосходства. Да, он выиграл этот раунд, и она это знала.

Не сказав больше ни слова, Темберлей повернулся и вышел из комнаты. Себастьян последовал за ним.

Мэг молча смотрела ему вслед, смущенная и озадаченная. Что, во имя всего святого, произошло только что? Мир перевернулся от одного простого поцелуя? Но он не был простым, этот поцелуй. В нем таилось нечто большее. Она подумала о грядущей ночи и почувствовала, как внутри у нее нарастает тревога. Ее муж и вправду был мастером в этой игре, а она даже не знала правил.

Глава 12

Флора смотрела, как уходит Темберлей, после того как на- сильно поцеловал бедную Маргариту прямо на глазах ее ма- тери.

– Ну что ж, вижу, что все истории, которые я слышала об этом мужчине, правдивы! – сердито сказала она.

– Что ты думаешь о своем муже, Мэг? – спросил Гектор, но Маргарита продолжала смотреть на дверь, открыв рот.

Флора дернула дочь за руку.

– Может, тебе и в самом деле пора отдохнуть?

Маргарита обернулась и посмотрела на мать широко от- крытыми от изумления глазами.

– Вы с дядей вернетесь к вечеру? – спросила она. – Сего- дня должен быть свадебный ужин...

– Ты уверена, что хочешь остаться в этом доме, с этим мужчиной? Гектор может организовать аннулирование ва- шего брака, – сказала Флора.

– Все, что мне нужно будет сделать, это признать, что я не Роза. Чтобы брак вступил в силу, он должен быть...

Флора предостерегающе подняла руку.

– Мне невыносимо даже думать об этом!

– Неужели это так ужасно? – спросила Мэг.

Гектор ущипнул Флору за руку, чтобы она замолчала.

– Темберлей может оказаться совсем не таким, Мэг. О нем

говорят и хорошее...

Флора раздраженно отдернула руку.

– Судя по тому, что я видела здесь, вряд ли это правда! – Заметив укор в глазах Гектора, она взглянула на побледневшую дочь Маргарита не отрывала глаз от статуи в углу комнаты. Греческая скульптура изображала девушку, привязанную к столбу и обреченную на сожжение. Флора напомнила себе, что Маргарита пожертвовала собой ради спасения семьи.

– Прости меня, девочка. Сегодня я вся на нервах и страшно расстроена. Конечно, он будет хорошим мужем.

Она попыталась убедить себя в этом, но лишь поблагодарила Бога, что Роза не стала женой герцога. Она бы увяла под градом оскорблений мужа, а этот поцелуй просто убил бы ее. Флора обняла дочь, поцеловала в пылающую щеку, а та приникла к ней на мгновение, но затем отступила назад и расправила плечи.

– Надеюсь увидеть вас за свадебным ужином, – сказала Мэг с напускным оживлением.

Она поступала так всегда, когда дела складывались хуже некуда.

Флора понятия не имела, что сказать, чем помочь, хотя сейчас, как никогда в жизни, ей хотелось поддержать дочь. Наверное, она сумела бы утешить Розу, но Маргарита была сильнее, сообразительнее. Она стала ее опорой, когда умер Маркус. Флора лихорадочно пыталась подыскать нуж-

ные материнские слова, ведь и она когда-то была новобрачной, ожидала свою брачную ночь с теми же страхами, что мучили сейчас Маргариту.

Но неистовая отвага в глазах дочери остановила Флору. Она знала этот взгляд. Маргарита полна решимости, ей удастся со всем справиться самой. Возможно, все будет хорошо в конце концов и ей не о чем беспокоиться, решила для себя Флора.

– Пойдемте, Флора. – Гектор схватил ее за руку. – Я уверен, что у Мэг масса дел на сегодня, и нам пора уходить. – Он твердо взял ее под руку и повел к двери.

– Мне хотелось бы осмотреть дом, если вас не затруднит, – попросила Мэг дворецкого, вызвав его звонком.

Гардинер учтиво поклонился.

– Может, начнем с библиотеки?

Малая столовая, кабинет, большая гостиная, малая гостиная – анфилада комнат и залов вела в библиотеку. И в каждой комнате были розы – красные, желтые, белые, розовые. пышное убранство, очевидно, было предназначено специально для новобрачной – по правде сказать, для Розы, и потому каждый цветок напоминал Маргарите, что она обманщица, самозванка.

Она пришла к заключению, что терпеть не может розы.

В библиотеке не было никаких цветов. Просторная комната была заставлена книжными полками, доходившими до

самого потолка. Это была *его* комната. Маргарита сразу поняла это, хотя и не могла представить себе мужа с книгой в руках. На маленьком приставном столике красного дерева возле письменного стола стояли графины со спиртным. Рядом – глубокие кожаные кресла. В комнате сильно пахло табаком.

Бронзовый солдат сердито смотрел на молодую герцогиню, требуя убраться прочь. Верный часовой, стоявший на посту в отсутствие Темберлея.

– Какая богатая библиотека! – сказала Маргарита, догадавшись, что Гардинер ждет ее одобрения.

– Если вам захочется что-то почитать, вы только спросите у его светлости. Большая часть книг здесь из его собственной коллекции.

– Вы имеете в виду покойного герцога? – спросила Мэг. Наверняка теперешний Темберлей книг не читает. Откуда ему найти время на это?

– Я говорю о герцоге Николасе, миледи. Покойный герцог не увлекался чтением. – Дворецкий указал на портрет джентльмена, слегка походившего на Николаса. – Это пятый герцог.

– А есть здесь портрет... моего мужа?

– Еще нет, ваша светлость. Но я уверен, обязательно будет. В замке Темберлей много прекрасных фамильных портретов.

Маргарита медленно обошла комнату. Статуя обнажен-

ной нимфы венчала пьедестал возле окна. Она бесстыдно усмехалась в лицо молодой хозяйке, как будто хотела что-то рассказать о Темберлее.

– Его светлость поощряет служащих пользоваться библиотекой, когда мы только пожелаем. Он недавно закончил расставлять книги, которые привез из Испании.

– В самом деле? – Мэг посмотрела на дворецкого и прочла гордость, даже восхищение в его глазах.

Он подвел ее к одному из стеллажей и указал на книгу.

– Его светлость три года служил вместе с лордом Веллингтоном на Пиренейском полуострове. Наш герцог – настоящий герой. Возможно, вы читали в «Таймс» о его службе.

Мэг читала названия книг на корешках, касаясь пальцем холодных кожаных переплетов. Ее отец считал, что о войне не могут рассуждать настоящие леди, и пресекал любые упоминания о битвах. «Таймс» тоже была под запретом в их доме. Конечно, Маргарита слышала о Наполеоне, но ничего не знала о сражениях и о героях последней войны. Она достала с полки книгу с картинами испанских пейзажей.

Гардинер протянул ей еще одну книгу.

– Осмелюсь порекомендовать вам путеводитель по Испании и Италии, написанный в прошлом веке, еще до войны. Могу я отослать обе книги наверх, в ваши апартаменты?

– Да, благодарю вас, – задумчиво произнесла Маргарита, не отрывая глаз от книжных полок.

Дворецкий тем временем бесшумно пересек комнату и

дернул шнур колокольчика.

На полках были сотни книг – архитектура, садоводство, математика, история. Мэг ощутила благоговейный трепет. Она была вынуждена продать большую часть библиотеки Уиклиффов и страшно соскучилась по хорошим книгам. Несмотря на строгие правила, установленные отцом, она много времени проводила за чтением.

Маргарита увидела роскошно изданную книгу о лошадях и вновь ощутила острую боль потери. Рисунки напомнили ей о конюшне отца, где разводили чистокровных скакунов. Они были первыми, кого пришлось продать – Арабелла, ее молодая кобылка, и арабский конь Уиклиффа. Это произошло всего за несколько дней до смерти отца. Эти лошади были его гордостью и ее радостью. Мэг мечтала когда-нибудь вернуть их в свою конюшню. Она очень любила своих лошадей. Их не волновало, рыжие у нее волосы или белокурые. Она погладила пальцем изображение прекрасного жеребца, напоминавшего их арабского скакуна.

– Ваша светлость?

Мэг обернулась на звук робкого голоса. Молоденькая служанка смущенно присела.

– Я Анна – ваша горничная. Мистер Гардинер попросил меня помочь вам. – Она прошла вперед и забрала стопку книг, отобранных Мэг. – Не соизволите ли пройти со мной? Мистер Гардинер сказал, что чай подадут в ваши апартаменты, а кухарка испекла для вас печенье. Она очень беспоко-

ится за сегодняшний ужин, поскольку свадебного завтрака не было... – Служанка осеклась. – Простите, ваша светлость. Мой язык частенько меня подводит. Не мое дело обсуждать распоряжения хозяев.

Наверное, ей и впрямь не стоило этого делать.

– Могу я посмотреть меню сегодняшнего ужина? – спросила Маргарита. – Не для того, чтобы вносить поправки, разумеется, а просто из интереса.

Они поднялись на второй этаж, и два лакея при их приближении отворили широкую двойную дверь.

Мэг вошла в элегантную гостиную. Анна поспешила к окнам и раздвинула шторы. Комната наполнилась солнечным светом.

– Отсюда прекрасный вид на сад, – сказала служанка и направилась к другой двойной двери, ведущей в спальню.

Как и гостиная, спальня была отделана в различных оттенках розового и зеленого. Роскошные занавеси из камчатного полотна отделяли от остального пространства огромную кровать, занимавшую целиком одну стену. В изголовье кровати красовался герцогский герб, искусно вышитый и заключенный в рамку. Маргарита содрогнулась. Лани, погибшей в безжалостных когтях волка, здесь было совсем не место. Или не так? Эта кровать была предназначена для выполнения грандиозной задачи – производства наследников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.